

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК ЮРЫ РЯБИНКИНА
г. Ленинград, ул. 3-его июля (Садовая), д.34, кв.2

Аннотация

Дневник Юры Рябинкина — это подлинный документ одного из самых трагических эпизодов Великой Отечественной войны, периода блокады Ленинграда, его наиболее тяжелой части, зимы 1941-42 г. Это свидетельство подростка 15 лет, не обремененного каким бы то ни было жизненным опытом. Читая этот дневник, становишься свидетелем внутренней жизни подростка, в одночасье вырванного из детства, поставленного между жизнью и смертью. Вместе с тем глазами подростка мы видим фон, на котором разворачивается его личная трагедия, видим, как счастливая, беззаботная жизнь в интеллигентной семье заканчивается смертью. Удалось выжить только восьмилетней Ирине. Остался жить и его дневник, не в последнюю очередь благодаря своим литературным достоинствам.

Автобиография

Я родился в 1925 году 2 сентября в г. Ленинграде. Живу я с матерью, с сестренкой и теткой., Мать моя работает в Обл. комитете союза пром. строит. центра, завед. библиотечным фондом, член ВКП(б) с 1927 года. Тетка — врач, в настоящее время на фронте. Сестренке — 8 лет. Отец бросил семью в апреле 1933 года, женился и уехал в Карелию; впоследствии, говорят, в 1937 году, он был сослан в г. Уфу.

До 7-летнего возраста я рос у тети за городом.

В 1933 году поступил в школу и сейчас закончил 8 классов, перешел в 9-й класс.

В 1938/39 году учился еще в морском кружке Куйбышевского района, прошел летнюю практику в Стрельне и получил значок «Юный моряк». Кроме этого, попутно со школой занимаюсь 3-й год во Дворце пионеров в историческом кружке. Проводил доклады на темы: Багратион, Суворов и т. д. По учебе имею «хорошую» оценку.

Ю. Рябинкин.

22 июня 1941 г. Всю ночь мне не давало спать какое-то жужжанье за окном. Когда наконец к утру оно немного затихло, поднялась заря. Сейчас в Ленинграде стоят лунные, светлые, короткие ночи. Но когда я взглянул в окно, я увидел, что по небу ходят несколько прожекторов. Все-таки я заснул. Проснулся я в одиннадцатом часу дня, вернее, утра. Наскоро оделся, умылся, поел и пошел в сад Дворца пионеров. В это лето я решил получить квалификацию по шахматам. Как-никак, а я выигрываю часто даже у третьей категории.

Выйдя на улицу, я заметил что-то особенное. У ворот нашего дома я увидел дворника с противогазом и красной повязкой на руке. У всех подворотен было то же самое. Милиционеры были с противогазами, и даже на всех перекрестках говорило радио. Что-то такое подсказывало мне, что по городу введено угрожающее положение.

Придя во Дворец, я застал только двоих шахматистов. Вероятно, было очень рано. Действительно, немного позднее пришло еще несколько человек. Расставляя шахматы на доске, я услышал что-то новое, обернувшись, я заметил кучку ребят, столпившихся вокруг одного небольшого парнишки. Я прислушался и... замер...

— ...Вчера в 4 часа ночи германские бомбардировщики совершили налет на Киев, Житомир, Севастополь и еще куда-то — с жаром говорил паренек.— Молотов по радио выступал. Теперь у нас война с Германией!

Я просто, знаете, сел от изумления. Вот это новость! А я даже и не подозревал такой вещи. Германия! Германия вступила с нами в войну! Вот почему у всех противоголазы.

У меня голова пошла кувырком. Ничего не соображает. Я сыграл три партии. Чудак, все три выиграл и поплелся домой.

На улице остановился у громкоговорителя и прослушал речь Молотова. Когда я вернулся домой, дома была только мама. Она уже знала о происшедшем. Пообедав, я пошел ходить по улицам. Всюду чувствовалось какое-то напряжение, им была наполнена вся душная, пыльная атмосфера города. Подходя обратно к своему дому, я встал в очередь за газетой. Газеты еще не было, но очередь была огромной. По очереди ходили любопытные разговоры, проносились шутки на международные темы, скептические замечания.

— А что будет, если Германия с Англией мир заключит и вместе с ней да на нас?

— Теперь все будем бомбить, не как в Финляндии, и жилые кварталы, пусть пролетариат заговорит, поймет, на что идет.

— Слышали, под Ольгином самолет немецкий сбили!

— Вон куда залетел!

— Да, приготовляйся к бомбежке. Как налетит на Ленинград сотни три...

— Без этого не обойдешься. Все своим чередом.

Постояв около двух часов, я решил было уйти, как вдруг объявили, что хотя газет не будет, но будет какой-то официальный бюллетень, но, когда он будет, неизвестно. Постояв еще полчаса, я все-таки пошел домой. За газетой пошла наша домработница Нина.

День кончается. На часах — половина двенадцатого. Началась решительная серьезная борьба, столкнулись два антагонистских строя: социализм и фашизм! От будущего этой великой исторической борьбы зависит благо всего человечества.

26 июня. Сегодня, как встал, пошел во Дворец. Оттуда вместе с ребятами пошел на строительство у Казанского собора. Работал я с одиннадцати утра и до девяти вечера с обеденным перерывом. Перерыв час. На обеих руках — мозоли, занозы. Таскал доски, копал землю, пилил, рубил — все приходилось делать. Под конец рука разболелась так, что пилить не мог. В обеденный перерыв дома начал читать Тургенева «Новь». Вечером дома. Мама возвратилась со своего дежурства рано — ее сменили. Ну, писать много не могу — нет времени, надо идти во Дворец.

28 июня. Сегодня работал опять во Дворце пионеров на строительстве бомбоубежища. Работа была адская. Мы стали сегодня каменщиками. Я отбил все свои руки молотком — все они теперь в царапинах. Но сменили нас рано — в 3 часа. Поработали мы, следовательно, 4 с половиной часа, но как!!!

Из Дворца я пошел к маме. Мама в беспокойстве, все ходит унылая... Встала возможность химической войны, сейчас начинается эвакуация. Взял 5 рублей и сходил в столовую. Затем пришел домой. Приходила какая-то женщина, которая записывала всех ребят до 13 лет. Ирку записала. Комендант приказал Нине дежурить у ворот с половины десятого и до трех. Кстати, сообщил, что на случай тревоги мы должны бежать к Хамадулину, в 1 этаж. Но там все равно небезопасно. От фугасной бомбы не спастись, от воздушной волны тоже: волна снесет дом, а его обломки похоронят нас в этом подвале; от химической бомбы не спастись тем более.

29 июня. Работал во Дворце на строительстве бомбоубежища. Перед этим был на площади Лассалья (пл. Искусств) — грузил песок. Но работы там было все же мало. Ребята вылепили из песка рожу Гитлера и стали бить ее лопатами. Я тоже присоединился к ним. Во Дворце опять таскал кирпич и песок. Ушел из Дворца в шесть часов. Придя домой, получил неожиданный сюрприз.

Еще в дверях ко мне подбежала Ира с криком: «Посмотри, что мне мама купила! А тебе не купила! Не купила!» Я пошел в столовую. На диване лежала купленная Ире матроска и кукла. На столе стояли новые Ирины сапоги.

Мама мне сунула какую-то записку в руки. Я машинально развернул ее. Это было заявление в военкомат о добровольном вхождении мамы и меня в ряды Красной Армии.

Оказывается, у мамы было утром партсобрание и все партийцы решили войти в ряды нашей Красной Армии. Никто не отказался. Сперва я почувствовал какую-то гордость, затем некоторый страх, наконец, первое пересилило второе.

Вечером я и мама пошли к владелице одного из домов в Сиверской. Мама решила отправить туда Нину и Иру, если мы уйдем на фронт. Кое о чем все же там договорились.

В тот же вечер я — ого-го! — сходил в парикмахерскую. Наверное, месяца два не стригся.

30 июня. Придя во Дворец, застал ребят, играющих в бильярд. Поиграл около получаса; затем мы пошли на работу в бомбоубежище. Я опять таскал песок из сада. Освободился к 7 часам. Пошел в фонд.

Там другая новость — меня, наверное, в армию не возьмут: мал, да еще плеврит; из-за того, что плохо себя чувствую, дает себя знать плеврит, освободят, наверное, от работы во Дворце и пошлют в лагерь.

С Тиной связь прервана. Она не может сюда приехать, так как прописана в Шлиссельбурге, а к ней ехать опасно. В девять часов вечера сходил к Доде Финкельштейну. Он нигде не работает — свободен. Братишку отправляют в Малую Вишеру послезавтра. Рассказал ему о Дворце. Решил тоже идти туда работать. Я ушел от него около одиннадцати часов.

1 — 18 июня. Ходил с Додей в кино, смотрел «Боксеры»... Ходил в зоосад, играл в бильярд, в шахматы... Почему-то сильно заболела грудь. Появился кашель. Пот так и льется днем и ночью... Город Остров, по всей вероятности, взят, так как появилось псковское направление. Каким фронтом командует Ворошилов?.. Маме приказано явиться на Балтийский вокзал для отправки в Кингисепп рыть окопы. Я провожал маму до вокзала.

19 июля. Вечером, когда мы вернулись домой, к нам неожиданно приехала из Шлиссельбурга Тина. Она будущий главврач больницы. Договорились, что, если с мамой что случится, она берет меня и Иру к себе... Говорят, будем учиться эту зиму (8, 9 и 10 классы). Особенно этому не верю. Тут бы быть живым.

Июль-август. Да... это, пожалуй, самая тяжелая, самая опасная для нас война. Много будет стоить победа.

Прочел «Дворянское гнездо».

Играл с Давидом в шахматы.

Мама дала мне денег, на которые я съел тарелку супа (борщ) и тарелку манной каши с маслом в столовой Дворца труда. Затем пришел домой. Дома учился давать мат слоном и конем.

Читал «Давид Копперфильд».

Поехал с мамой на оборонную стройку под Лугу, в Толмачево.

26, 27 августа. Новгород взят уже несколько дней тому назад. Ленинград подвергается опасности быть отрезанным от СССР. Нам присылают все время американские танки, самолеты («боинги»). «Боинги» везут на кораблях до Владивостока, а там они летят с посадками до Ленинграда. Недавно Япония заявила протест насчет отправки к нам из Америки нефти, ссылаясь, что это угрожает ее интересам. Не обошлось без Германии, наверное. Наши и английские войска вступили в Иран... Иран занимает 4 место в мире по нефти.

Сам я занимаюсь малополезными делами. Читаю книги, играю в шахматы (закончил матч с В. Н. Никитиным. $17 - 11 = 6$ в мою пользу), занимаюсь военным делом, делаю военную игру.

От Тины вестей больше нет.

30 августа. ...Мама меня хочет записать в военно-морскую спецшколу. Да я знаю, что медкомиссия меня не пропустит, и отказываюсь. Тяжело все же отказываться от своей мечты — моря, да нечего делать. Все попытки — зря.

Пахнет пессимизмом.

Дни провожу за военным делом, шахматами да чтением. Настроение жутко упадочное. Никаких, даже посредственных, перспектив перед собой не вижу. Нину мама увольняет с 1 сентября. Шахматы, военные игры, военное дело. К чему это мне сейчас, когда я свою затаенную мечту — военно-морское дело — в жизнь превратить неспособен. Тяжело. Пессимизм полнейший.

31 августа, 1 сентября. Занятия в школе 1 сентября, сегодня, не состоялись. Неизвестно, когда будут. С 1/IX продукты продают только по карточкам. Даже спички, соль и те по карточкам. Настает голод. Медленно, но верно.

Ленинград окружен! Немецкий десант, высадившийся в районе ст. Ивановская, отрезал наш город от всего СССР...

Настроение паршивое. Не знаю, вернется ли когда-нибудь ко мне веселость.

Сегодня, по всей вероятности, нося тяжелые мешки у мамы на работе — помогал снимать важные бумаги — свихнул шею...

В сводках пишут, что идут бои на всем фронте. И только. Ночью небо озаряют зарницы. Дальнобойные орудия бьют с наших полигонов по врагу. Враг в 50 км от Ленинграда!

Бил баклуши весь день. (Разве только у мамы на работе помогал.) Говорил с Финкельштейном. Если в школах учебы не будет, совместно пройдем (если пройдем?!!) весь курс 9-го класса. Учебники есть.

Завтра мне должно было бы быть 16 лет. Мне — 16 лет!

2 сентября. Да, ничем необыкновенным мой день рождения не ознаменовался.

Мама дала мне пять 5 руб. в столовую. Решил себя порадовать. Пошел в магазин и купил шахматный учебник. А потом пришел в столовую — там ничего дешевого уже нет. Зато мама пришла вечером — мне два пирога принесла. Потом еще суп сварили — я и суп поел. Сыт, доволен!

Сделать бы так. Минировать бы весь Ленинград, выгнать бы из него все население в леса, в общем, чтобы Ленинград пустой бы стал. Создать панику в городе и т. п. Ни один помощник главнокомандующего не знал бы, что главнокомандующий думает. Войска бы заставить так отступать, чтобы, если они обернутся, то заняли бы наипревосходнейшие для атаки позиции. И вот немцы уже знают, что Ленинград пуст, все их шпионы говорят то же самое. Немцы будут подозревать хитрость в том,

что Ленинград заминирован, пустят туда саперов и т. п. Тогда-то главнокомандующий делает то, что он только один знал. Сразу же, молниеносно, неожиданно (еще неожиданней, чем 22/VI для нас) наши танковые части переходят в грандиозное наступление и заставляют немцев сжаться в комок. Тогда по этому комку обрушивается вся мощь артиллерии, которая во время отступления заняла наивыгоднейшие позиции. Через полчаса огонь орудий переносится на несколько км дальше, а то место, которое они обстреливали, занимают наши войска. Вся авиация, собранная над ними, летает и бомбит уцелевшие остатки врага. И как только враг дрогнул, отступил, тут его надо преследовать с воздуха, с земли, с моря. Посылать все новые и новые войска, не давать ни минуты остановки. Передовые танки сменяются новыми, первые отдыхают, затем снова заменяют вторых и т. д. И только таким ударом можно сломить немцев. И потом еще: как только танки наши достигли определенного участка, часть из них идет назад под углом к прошлому курсу.

Да, но все это несбыточная, фантастическая мечта. Никому не провести такого наступления. Да и танков у нас мало. Я думаю, что Гитлер, наверное, думает выиграть войну шпионами ну да и еще техникой, разумеется.

Да, десант на Ивановской уничтожен. Остался еще, который на Мге. Каждая передовица в газете кричит: не отдадим Ленинграда! Защитим его до последней капли крови! Крепи противотанковую оборону! Но почему-то победы у нашей армии нет, оружия тоже нет, по всей вероятности. Милиционеры на улице, да даже ополченцы и красноармейцы иные, вооружены винтовками, маузерами черт знает какой давности. Немцы танками прут, а нас учат бороться с ними не танками, а связками гранат, а то порой и бутылками с горючим. Ну и дела.

5, 6 сентября. Никитин и Финкельштейн хотели идти в народное ополчение, да не пошли. Зашли в школу: крышу красить их заставили. Они не согласились, сказали, что им надо куда-то идти, обещали прийти на следующий день, а на следующий день не пришли.

Мама опять меня хочет устроить в морскую спецшколу, да я не желал бы туда идти. Ведь все равно в школу меня не примут, потому что я плохо вижу — раз, плевритные спайки в правом легком — два, ну да и еще кое-что. Чего же себя тешить радужными надеждами, а потом получать горькие плоды?

Ленинград обстреливается из дальнобойных орудий немцами. Так и бухают разрывы снарядов. Вчера снаряд попал в дом на Глазовской (К.Заслонова) улице, снес полдома. Финкельштейн с Никитиным приходили смотреть и рассказывали. Где-то снаряд попал в сквер — много убитых и раненых. Сегодня под вечер опять обстрел. Так и бухают снаряды где-то в стороне Московского вокзала, там, дальше, за ним. В очередях бабы говорят, что Гитлер обещал закончить войну к 7 сентября, т. е. к завтрашнему дню. Ну и слухи! А еще совсем недавно говорили то же самое, только дата была 2 августа.

Вчера был у Штакельберга. Его дома не застал. Пришел домой, он ко мне является. Работает в госпитале, принимает раненых — санитар. Ходил с ним на выставку отечественной войны (на 1-й Красноармейской). Много интересного. Французский средний танк стоит, легкий чехословацкий, потом гаубица 142-мм, всякое германское снаряжение, оборудование. Потешались над одной вещью: карточка, как у нас для хлеба, только она для солдат и на ней стоит надпись: «Имперское отделение по делам поцелуев». И на отрывных талончиках (отрывают, по всей вероятности, в публичных домах) надписи: «случайный поцелуй», «мимолетный поцелуй», «талон на (---) 1 свидание» и т. п. Полнейшее бесстыдство. По стенам развешаны плакаты, фотоснимки и т. п. Мы попали в тревогу и пробыли на выставке 3 часа. Штакельберг мне рассказал о немецких ОВ. Жуткая вещь!

...Сейчас половина десятого. Ленинград обстреливается из немецких тяжелых дальнбойных орудий. Сильные разрывы заставляют содрогаться здания и стекла.

7 сентября. У мамы выходной. Мне пришлось дежурить у ворот с 12 утра до 4 дня. Читал «День пламенеет» Джека Лондона.

Вчера, 6-го, вечером была здоровая канонада. Немцы били по Ленинграду из тяжелых орудий. Сегодня уже тише. Тревог не было, но зенитки били. Сегодня — 129 лет со дня Бородинской битвы. Когда-то под Москвой произошел грандиознейший бой между русскими и французскими войсками. Больше 108000 человек было убито и ранено в этот день. Тогда иноземные захватчики получили крепкий отпор.

8 сентября. День тревог, волнений, переживаний. Расскажу все по порядку.

Утром мама прибегает с работы, говорит, что ее посылают на работу в совхоз, что в Ораниенбауме. Ей пришлось бы оставить меня и Иру одних. Она пошла в райсовет — ей дали там отсрочку до завтра. Потом мы договорились о спецшколе. Мама пошла в обком, оттуда завернула в спецшколу, а я завернул к Финкельштейну. У них в школе вышел номер. Ребятам было велено покрыть пол чердака известью. Но извести оказалось мало, и они решили разбавить ее. Но вместо извести они добавили суперфосфата. Произошла реакция. В результате выделился хлор. Ребятам пришлось ходить в противогазах по чердаку. Пришел Варфоломеев, разругался («Даром, что ли, я вас химии учил!»). Затем Додя пошел сдавать велосипед в армию (3 дня назад пришла повестка о «мобилизации» велосипеда).

Когда я вернулся домой, мама уже пришла. Она сказала мне, что, возможно, меня примут. Но я очень и очень сомневаюсь. Затем мама пошла опять куда-то.

И тогда-то началось самое жуткое.

Дали тревогу. Я и внимания не обратил. Но затем слышу, на дворе поднялся шум. Я выглянул, посмотрел сперва вниз, затем вверх и увидел... 12 «юнкерсов». Загремели разрывы бомб. Один за другим оглушительные разрывы, но стекла не дребезжали. Видно, бомбы падали далеко, но были чрезвычайно большой силы. Я с Ирой бросился вниз. Взрывы не прекращались. Я побежал обратно к себе. Там на нашей площадке стояла жена Загоскина. Она тоже перепугалась и прибежала вниз. Я разговорился с ней. Потом откуда-то прибежала мама, прорвалась по улице. Скоро дали отбой. Результат фашистской бомбежки оказался весьма плачевный. Полнеба было в дыму. Бомбили гавань, Кировский завод и вообще ту часть города. Настала ночь. В стороне Кировского завода виднелось море огня. Мало-помалу огонь стихает. Дым, дым проникает всюду, и даже здесь ощущаем его острый запах. В горле немного щиплет от него.

Да, это первая настоящая бомбежка города Ленинграда.

Сейчас настанет ночь, ночь с 8 на 9/IX. Что-то эта ночь принесет?

До 12 часов.

Только Ира легла спать, опять объявили тревогу. Мы спустились вниз, в 1 этаж. Быстро оделись. Сперва немного постреляли зенитки, затем стали выть и трещать самолеты. Все время по небу ходили прожекторы. Но ни один самолет не был сбит. Где-то опять бомбили. Все население нижних двух этажей (исключая подвалы) было в коридоре 1 этажа. Долго, томительно тянулось время. Затем где-то, на дворе дома № 36, забили в рельс. Мы перепугались. Я, Маруся и Лидка надели противогазы и пошли на двор спрашивать, что такое. А на дворе постовой отвечает, что никакой химической тревоги не было. Так прошло около 2-х часов. Наконец мы решились и пошли домой. Тревога еще не кончилась. Зарево на востоке погасло, но то и дело со стремительной скоростью над городом проносились немецкие самолеты. Их обстреливали, а они носились и носились над городом. Сейчас я не знаю, что делать.

Мама с Ирой легли спать, не раздеваясь. Может, и я так сделаю. Не знаю. Да, эту неделю фашисты хотят сделать оставленной в памяти у нас, у всех ленинградцев. Видно, взять Ленинград с суши не удалось, так вот они и решили его с воздуха уничтожить.

9 сентября. Пишу ровно в 12 ч. ночи. За весь истекший день — 11 тревог! Да каких! По часу, по два. Самая жуткая тревога была последняя, ночная. Сильно бомбили Октябрьский район. Бомбы рвались и на Красной улице, и на Театральной площади, и у моста Лейтенанта Шмидта. Оттуда пришел очевидец весь в грязи — закидало землей — и рассказывал.

Днем во время тревоги над нашим домом сбили один самолет. Летчик выпрыгнул с парашютом прямо в город. Не знаю, что с ним. Наверное, поймали. В спецшколу не ходил, в школу не ходил. Перерывы между тревогами были по 10—15 минут. Завтра, если все будет благополучно, мама велит идти в спецшколу. Думается мне, не пропустят врачи. Не пройду медосмотр. В сводке передавали, что на Ленинград в 8.30 было сделано нападение с воздуха, но военные объекты не пострадали. А мама сказала, что сгорело много продовольственных складов, станция Витебская-товарная, маслобойный завод и еще жилые дома, сколько их — неизвестно.

Эти налеты на Ленинград все объясняют тем, что у Гитлера не выгорела операция с захватом Ленинграда сухопутными войсками. Обозлился и приказал бомбить.

На фронтах без перемен. Мы отбили какой-то город Ельно... И то хлеб.

Да, теперь Ленинграду отдыха не будет. Каждый день бомбить будут.

В нашу квартиру хотят вселить семью какого-то главного инженера треста. Жуки! Мама хочет наотрез отказать.

Сирена. Час — тревога. Отбой. Перерыв — десять минут. Опять тревога. Так можно вконец измучить население. А у нас в доме даже нет бомбоубежища.

Пожалуй, пристроюсь я в пожарную команду в школе. В спецшколу наверняка не попаду. Лягу, пока тихо. А там кто знает?..

15 сентября. Сегодня утром решил: в спецшколу не являться. Причину здесь не пишу. Я не знаю, чего стоило мне это решение, У меня и сейчас слезы на глазах стоят, но я все тянул с этим. Сейчас это кончено. Впрочем, не знаю. Ведь это какой удар маме! И вместе с тем я знаю, что решение правильное.

Когда я сказал об этом решении маме, она стала доискиваться причин. Я решил отмалчиваться. Но это не удалось. Тогда выдумал уловки: дескать, школа не понравилась. У нее уже тут как тут нелепые подозрения: дескать, не боюсь ли я, что на фронт отправят, да в этом духе.

...Я очень хорошо вижу, что мне грозит. Слишком хорошо. Но я очень хорошо вижу, что я сделаю этим маме. И я не могу решить: пожертвовать ли собой ради нее или остаться при своем решении. Выхода — два, но из них нужно выбрать один.

Тяжело, мучительно расставаться со своей мечтой... Что поделаешь? Будем к этому цинически относиться, авось будет какой толк.

На «авось» больше полагаться никогда в жизни не буду. Раз я положился на «авось». Этот дневник я пишу для себя, здесь можно говорить все — однажды я подхватил вшей. А учился я тогда в школе. И позвали наш класс на проверку к врачу — есть ли у кого вши. И я, дурак, тоже пошел. Понадеялся — «авось» не заметят моих. Ну и нашли. Стыда-то сколько было. А все из-за чего? Да из-за моего глупого решения — на «авось». Надо было тогда как-то увернуться от осмотра, улизнуть.

Чем мне теперь заниматься? Что делать? Идти на завод? В пожарную команду при школе? Оставаться так?

Оказывается, у меня уже три решения. Думаю, я буду изучать курс 9 класса сам. Напрягусь и изучу. Сдам экзамены после войны и перейду в 10-й класс. Так-то

лучше. А впрочем, не знаю. Не пережить из нас никому этой войны. Сейчас еще только бутончики, цветочки еще не видели. А если применят немцы ОВ да бактерии?..

Ну да все равно. Жили до нас миллиарды людей, будут жить после... Надо же быть кому-нибудь из них неудачливыми в жизни. Сейчас еще только час дня.

Сегодня еще раз был у мамы. Вернулся вместе с мамой домой. На ночь пошли к кочегару. Сегодня вечером пришло два письма от Тины. Пишет, что ее эвакупункт меняет свое местоположение и свертывается в неизвестном направлении.

Мама говорила, что по Ленинграду из орудий бил десант, который теперь выбили наши моряки. Не особенно этому верю. Говорят, что Пулковое переходит из рук в руки и сейчас там немцы. Лигово тоже взято. По газетным данным, взят г. Кременчуг — следовательно, немцы форсировали р. Днепр. Дела ой как плохи у нас. Из порта в обком приходили люди, рассказывали, что порт сильно пострадал от налетов германской авиации.

Теперь над Ленинградом куда ни глянь — всюду летают «ястребки». Столько их, что за день не перечесть.

Тревога всегда запаздывает у нас. Сперва услышишь стрельбу зениток, а уж затем через минуту-полторы загудит сирена.

Слишком давно не был в кино. Разумеется, надо посмотреть «Кинорепортаж с фронта» и какой-нибудь художественный фильм. От горя начал опять писать. Интересна подробность: чем больше я занят делом, тем меньше пишу в дневнике.

16 сентября. Сегодня я совершил ужасную вещь — потерял 30!! рублей. 30!! рублей. Мама дала мне их на подсолнечное масло (у нее не было более мелких денег), а я их потерял... Теперь весь день я был этим огорчен. Денег и без того осталось — кот заплакал, а я еще теряю по столько рублей.

И погода тоже подкачала. Идет дождь, пасмурно. Однако за день было уже три тревоги. Сейчас — половина пятого. Был у мамы в фонде. Там спешка — уничтожают все бумаги. Все, какие есть. Мама еще к тому же навела на меня панику — велела просмотреть и приготовить противогазы.

Сейчас половина пятого. Близко от нашего дома опять слышны сильные звуки разрыва артиллерийских снарядов. По словам В. Никитина, немцы в 15 км от Ленинграда. Я думаю — ближе.

Вечером к маме приходила Бушуева из Сосновой поляны. Рассказывала про всякие там ужасы. Володарская занята немцами. Есть новости и хорошие: например, под Ленинградом и в Ленинграде сосредоточено около 2 000 000 войска, из Америки и Англии прибыло около 1000 самолетов. Сейчас над городом все время летают «ястребки». Говорят, что оголены другие фронты, а войска брошены к Ленинграду, войска идут даже из Сибири. Ленинград в германском окружении, а немцев мы хотим сами окружить. Есть новости и плохие. Лигово взято (12 км от города), все дороги до Лигова усеяны немецкими танками, войсками. Немцы кинули на Ленинград большое количество своих частей. В-в (Ворошилов) ранен. Но все неофициально.

17 сентября. Сегодня вечером произошло важное событие. В нашу квартиру вселяется управляющий стройтрестом. Некий И-в с женой из Московского района. Сегодня перетаскали к нам его вещи. Завтра сам явится, по всей вероятности. Маме пообещали пользование их бомбоубежищем и столовой. Не знаю, как это выйдет.

В Информбюро (сообщении) сказано, что немцы готовят интенсивный налет на г. Ленинград.

18 сентября. Сегодня был у Финкельштейна. Договорились с ним о дежурстве в школе. Завтра с 8 вечера до 8 утра. Вышел приказ о военной подготовке мужчин начиная с 16 лет. В первую очередь идут, однако, 17 и 18-летние. Вечером вышел новый приказ. В нем говорилось, что по Ленинграду начались уличные бои, что все от 16 лет (мужчины) и от 18 лет (женщины) должны идти на баррикады. Ну и дела!

Немцы опять обстреливали город из орудий. Был обстрелян Невский, мосты, Фрунзенский район.

Баррикадами не продержаться. Устарели. Современная война требует авиации, танков, орудий, а баррикады? Тьфу!..

Сейчас, наверное, немцы применят ОВ. В Ленинграде столько народу и армии, что если немцам применить в эту войну ОВ, то только сейчас. Два дела сделают; Ленинград возьмут и столько армии положат. А у немцев, наверное, есть такие ОВ, что нам еще неизвестны, и наши противогазы ничего против них не сделают. Ведь война-то началась как? Сколько войск у немцев было сосредоточено на границе... А мы и в нос не чуяли, что война близка. Так же с ОВ будет.

Ну ладно, облегчил свою душу сими строками — и будет.

22 сентября... Новости с фронта крайне плохие. Пал Киев. Это значит, что треть немецкого плана выполнена. Неужели немцев не отшвырнут от Ленинграда? Всюду говорят, что Ленинград окружен немцами, а немцы окружены сибирской армией под командованием Кулика. Ребята в школе шутят: «Кулик немцев жмет, немцы нас жмут. В конце концов Кулик так на немцев нажмет, что они «в панике» ворвутся в Ленинград».

Десять винтовок на весь батальон,

В каждой винтовке — последний патрон...

Говорят, что эта песня действительна (...). Не знаю, так ли это. Больше слухам теперь не верю.

23 и 24 сентября. Дежурили в школе. Особых происшествий не было. Научился в коня, в девятку играть. Особо интенсивных налетов германской авиации на Ленинград не было. Правда, вчера было 13 тревог, но не бомбили.

Уменьшен паек на мясо и еще на что-то. В спецшколу на медосмотр не ходил. Не знаю, пойду ли вообще. Как знать?

25 сентября. Сегодня я окончательно решил, что мне делать. В спецшколу не иду. Получаю паспорт. Остаюсь в школьной команде. Прошу маму эвакуироваться, чтобы иметь возможность учиться. Пока езжу на окопы. Через год меня берут в армию. Убьют — не убьют. После войны иду в кораблестроительный институт или на исторический факультет. Попутно буду зарабатывать на физической работе сколько могу. Итак, долой политику колебаний! Сегодня иду в школу к 8-ми. Если мама придет раньше, скажу ей мое решение. Все остальные исходы я продумал и отказался от них.

Кроме того: решил тратить на еду себе начиная с завтрашнего дня 2 рубля или 1,5. Мое решение — сильный удар для меня, но оно спасет и от другого, еще более сильного удара. А если смерть, увечье — то все равно. Но это-то именно и будет, наверное, мне. Если увечье — покончу с собой, а смерть — двум им не бывать. Хорошо, очень хорошо, что у мамы еще есть Ира.

Итак, из опасения поставить честь на карту я поставил на карту жизнь. Пышная фраза, но верная.

26 сентября. Появились новые факторы на мое решение. Откуда мама взяла, не знаю, но она говорит, что с 1 октября всех с 16 лет возьмут в рабочие отряды. Когда

я сказал ей, что в спецшколу не пойду, произошла целая сцена. Просила, просила, чтобы я шел...

Ладно, все одно... В спецшколу иду, чтобы успокоить маму (на 1 день), а она, бедняжка, и не ведает, что за успокоение будет. В сводках ничего особого. Слухам не верю. Вчера опять была артстрельба по городу.

1 и 2 октября. За последние дни как-то сильно проявились в моем характере упрямство и гордость. Думаю, что от беспрестанных волнений. Сдана Полтава, больше ничего особого не знаю. Окончилась конференция США, Англии и СССР для оказания помощи СССР против Германии.

Дежурить в школе продолжаю. В нашу команду недавно поступил Левка Шванг. В ночь с 1 на 2 была сильная бомбежка. Я с Финкельштейном и Никитиным в это время был на чердаке школы.

Мне — шестнадцать лет, а здоровье у меня, как у шестидесятилетнего старика. Эх, поскорее бы смерть пришла. Как бы так получилось, чтобы мама не была этим сильно удручена.

Черт знает какие только мысли лезут в голову. Когда-нибудь, перечитывая этот дневник, я или кто иной улыбнется презрительно (и то хорошо, если не хуже), читая все эти строки, а мне сейчас все равно.

Одна мечта у меня была с самого раннего детства: стать моряком. И вот эта мечта превращается в труху. Так для чего же я жил? Если не буду в В.-М. спецшколе, пойду в ополчение или еще куда, чтобы хоть не бесполезно умирать. Умру, так родину защищая.

Думал написать мало, а оказалось много. Ну ладно,

Хоть английский помню, и то хлеб.

Сейчас еще мама не вернулась с работы с Иркой. На часах — четверть шестого. Займусь шахматами и чтением, а может быть, завалюсь спать. Там посмотрю, что выйдет.

А мама уже мне раз сказала очень интересные слова: «Юра, ты узнай, как можно, если записаться в спецшколу, эвакуироваться». Очень интересные слова.

Никитин меня вчера вечером спрашивает: «Юрка, не пойдём ли в В.-М. спецшколу?» Да, мечта, а с мечтой расстаться — себя похоронить. Как быть?.. Кем быть?.. Где быть?..

1941 г. 3 октября. Чрезвычайно волнующий для меня день. В школе я был с 8 утра до 7 вечера — играл в очко. Проиграл 10 копеек. Но это еще ничего. Пообедал — жареный поросенок с чечевицей и студень. Пришел обратно в учительскую — сел играть в очко. Я, Бронь, Финкельштейн, Лопатин и еще какой-то парень из другой смены. Сперва играли нормально — я оставался при своих. Но затем настала очередь банковать мне, Я поставил в банк рубль. Но так передо мной ставили все. Банкую. И, как назло, все маринуют. Мне везет, банк увеличивается... 2 рубля, 4 рубля... 8 рублей... 16 рублей!.. Стучу. Идет второй круг! 32 рубля!!! Игроками овладевает азарт, все с жадностью смотрят на карты..., 64 рубля!!! Ребята делают складчину и опять маринуют. Их девятка — мой туз!!! В банке 128 рублей!!! Азарт невероятный... И вот... Ребята опять маринуют... Маринует Бронь взакрытую. Я открываю свою карту — дама... Бронь осторожно свою — дама!!! Я забираю банк — целых 254 рубля!!!

Я не знаю, что со мной сделалось. Сидел как дурак. Какой выигрыш! Каково?! Стал опять играть... Играю, играю — и вот опять срываю подряд несколько банков — итого у меня около 400 рублей (наличными — 73). Меня взяла огромная тоска... Что мне с этими деньгами делать? Взял и отдал ребятам обратно. Но Лопатина уже тогда не было. Бронь что-то проворчал в ответ. И так, у меня сейчас около 40 рублей

на руках, 130 должен Бронь, 100 — Финкельштейн и по 40 р. должны Лопатин и еще какой-то парень. От них всех я, разумеется, денег брать не буду... Какое сильное волнение! Когда банк в первый раз доходил до (...), то я просто хотел сказать: «Ребята, я больше не буду, не играйте...» Это все выходило как-то по-детски — неуклюже. Никто не заметил. И странно, при выигрыше почувствовал не радость, а какое-то немощное удивление, как-то окаменел и затем долгое время, минута от минуты, нервно хохотал. Да, правду говорит пословица: «Богатство не всегда счастье приносит». Так и тут. Деньги спрятал дома в железную коробку из-под конфет, которая лежит в картонном ящике в этажерке. Да что же это такое со мной делается? Я не сойду ли с ума?

4 октября. Все еще не могу очухаться от выигрыша. Собственно говоря, не от самого выигрыша, а от сознания выигрыша. Денег с ребят брать, ясно, не стал.

Мама должна уехать 5-го на субботник с Ирой.

Все это я пишу 5-го утром. Теперь расскажу происшествия за сегодняшнюю ночь. За ночь было около 8 тревог. Тревоги крайне жуткие. Несколько раз бомба так сильно свистела, что я думал, что она упадет в школу. Ровно в 1 час ночи я сменил Финкельштейна на вышке. Было «бестревожно»! Первые полчаса прошли спокойно. Затем неожиданно тишину прорезал какой-то свист, потом еще... еще... Вспышка, грохот — вспышка, грохот. Я вскочил со стола, на котором сидел, и боязливо выглянул из вышки в окно. С десятков зажигательных бомб коптелись на школьном дворе и на соседних домах. Я дал сразу же три звонка — на третьем посту (...). Потом оказалось, что я немного ошибся — бомба упала рядом со стеной школы, где третий пост, на двор. Ну, их все, разумеется, быстро потушили. Затем немцы сбросили еще несколько фугасных бомб, а уже затем воздух прорезал жалобный вой сирены. На моем посту было спокойно. Но тревоги, начиная с той, были особенные. Совершенно молчат зенитки. И только слышно отдаленное жужжание самолетов, которое то нарастает, то убывает, и порой гулкой свист — затем визг и удар взрыва. Меня слишком взволновала эта ночь. Я всю ее не спал. Да, вот какие настали над Ленинградом ночи. Давид говорил, что он тоже где-то слышал, что Псков и Старая Русса взяты Куликом...

5 и 6 октября. Дни прошли в волнениях от бесконечных тревог. Сегодня, вернее, сейчас — 9 часов вечера 6 октября. Тревога. Я, Анфиса Николаевна (жена вселенного к ним И-ва.) дома. Мама с Ирой ушли вниз. Получили письмо от Тины. Жива-здорова была на 2 октября.

Пишет, что их бомбят. Намеками, конечно. Беспокоится о нас. В школе начались занятия 10-х классов. Я попросил Нину Николаевну дать мне какое-нибудь задание по математике. Она дала. Никитин уже принят и оформлен в спецшколе...

8 октября. Был на медосмотре. Я, оказывается, правильно сделал. Медосмотр я не прошел из-за глаз. У меня левый глаз 20%, а правый—40%. Ничего себе! Мама настаивает на немедленном лечении.

Наверное, придется носить очки. Володька Никитин пошел на медосмотр после меня. Ну, его, наверное, примут. Но самое главное — я прошел хирурга, ушного. На фронтах положение для меня туманное. Сегодня во сне увидел Володьку Шмайлова. Эх, где-то он сейчас?

Мать мне запретила читать. Чтобы не портил глаз. Пишу все это сегодня, 9/X. Если бы я писал это вчера, то расписал бы на 2 — 3 страницы, а сейчас не могу. Надо идти на дежурство.

9 октября. Сегодня дежурство было наилучшее по сравнению с остальными. Слишком весело было. До обеда еще ничего, а после обеда так и пошло... Началось с того, что нам Нина Николаевна запретила играть на деньги. Начали играть в балду. Остался им Алька. Ему назначили наказание — подойти на улице к первому встречному и сказать ему в лицо: «Я — балда». Вот хохота-то было. Потом стали играть в фанты. Лопатин полз этаж на четвереньках по винтовой лестнице. Финкельштейн катал на себе Броня, а я должен был, во-первых, поймать кошку и пустить ее в учительскую дежурку, а во-вторых, поцеловаться с Элой. Первое я сделал, от второго отказался. О чем теперь жалею, за отказ мне вылили на шею (попало на верхнюю рубашку) воды. В общем, все развеселились. Под конец поймали кота, нацепили на него бумажку: «Ужин или смерть коту», отпустили его. Кот помчался в столовую. Что из этого вышло — не знаю. Под конец слушали по радио концерт из произведений русских композиторов.

Сейчас половина восьмого, Объявили тревогу. Небо почти безоблачно. На фронтах положение такое: по официальной сводке, взят Орел и немцы наступают на Вязьму и еще на какие-то города. По слухам, немцев отогнали от Ленинграда не меньше чем на 60 километров. По всей вероятности, 7, 8, 9 классы начнут заниматься с 25/X.

Сейчас тревога.

11 и 12 октября. Ничего особенного не произошло.

Мама и Ира внизу, а я дома. Половина восьмого.

У нас в школе идет такое мнение: немцы решили закончить войну до зимы и развили грандиознейшее наступление на Москву. По словам Финкельштейна, Никитин не прошел мандатной комиссии. Ну да, впрочем, у него такой отец, что он все равно в спецшколе будет.

Почему-то очень часто вспоминаю Володьку и Мишу. Эх, друзья, друзья! Всего себя проклял, что так распростился с Володькой. Вернуть бы это время! Золотое время!

Игорь (брат Анфисы Николаевны.) обещал принести нам одну продовольственную карточку 1 категории. Не знаю, выйдет ли это дело.

Скорее бы занятия. Скука.

Сегодня играл в очко в школе. Финкельштейн остался мне должен 121 рубль (я от него денег все равно не возьму). Ребята теперь говорят, что мне отчаянно везет в карты. Везет в карты — не везет в любви. Так ли на деле будет? Лучше бы было наоборот. Когда я срываю банк или удачно пробанкую, сорву крупную сумму, то на моем лице появляется неизменно какая-то ехидная улыбка, я с ней теперь все время борюсь, а она нет-нет да и промелькнет. Вот скверная у меня черта.

13 октября. День прошел спокойно. Зато ночь дала себя знать. Вечером от мамы я узнал очень интересную вещь. Она видела (...), которая теперь работает в госпитале. Предлагают мне поступить в этот госпиталь. Моя обязанность эскортировать больных с госпиталя в госпиталь. Ответственность за их доставку несу я один. За потерю кого-либо иду под суд. Разъезжаю по ночам, преимущественно на машине. Мне кладут зарплату — 20 рублей в месяц и рабочую карточку. Быть может, обед. День работать, день отдыхать. Я согласен. Нужда...

Видел Володьку Никитина. Он поступил в спецшколу. 15-го идет на занятия.

Ночь была, по моему «первичному» мнению, довольно благодатная. Тучки на небе, кое-какой туман — какой самолет полетит на бомбежку? Но... без пяти 7 объявили тревогу.

На 2 и 1 постах я, Давид, Борис (...) и еще две какие-то женщины. Я и Давид сидели на ступеньках. О, эти тревожные бесконечные ночи: навсегда останутся они у меня в памяти. Полусвет, передо мной «летучая мышь» в ведре, лестница и сбоку

окно... гулко бьют зенитки, ухо настороженно ловит каждый звук, тревожно бьется сердце при сильном свисте бомбы, и чутко настораживаешься, слыша завывание германского самолета. Окно все время озаряют вспышки, порой лестница и весь дом содрогаются и дрожат от близкого падения фугасной бомбы. И это каждую ночь... Хочется спать, есть, забыться, но снова что-то свистит под ухом, инстинктивно прижимаешься к стене, втягиваешь голову в плечи... и свист замирает. Затем вспышка озаряет окно, лестница вздрагивает, и только после этого приходит отдаленный гул взрыва.

Эту ночь было более-менее спокойно, и я с Давидом вышел на крышу. Только огляделись по сторонам, по небу прожекторы, и совершенно внезапно яростно зашипела бомба нарастающим звуком. В одно мгновение, я и Давид были на чердаке, не ощущая ушибов от падения. Решив, что на чердаке оставаться опасно, мы сошли в лестничную клетку, и в это самое время раздался короткий свист и затем взрывы над нашими головами. Стало светлее, чем днем. Давид вперед меня сообразил, что это такое, и, схватив лопату, бросился тушить бомбу. Я тоже. Началась безумная горячка. Мы работали в густом едком дыму, который лез в глотку, щипал ее, залезал в самые легкие, по лицам шел пот, а мы все возились с бомбами. Я пробежал на 1-й пост. Там стояла какая-то женщина и кричала в испуге: «Бомба! Тушите!» Она схватывала горстями песок и бросала в горевшие кусочки термита. Я схватил лопату и в полминуты забросал все горевшее песком. Яркий свет сменился глубоким мраком. Кое-как выбравшись с чердака, ведя за руку женщину, я побежал на 2-й пост. Там уже все бомбы были потушены. Я выглянул на крышу — по ней сновало человек десять. Хотелось подышать свежим воздухом, очнуться, прийти в себя. Скоро тревога кончилась. Затем, затем ничего нового не произошло. Была еще одна тревога, но безобидная для нас. После этого я и Финкельштейн завалились спать и проспали до утра. Разбудило радио, сообщая нам скверную новость: Вязьма пала. Наступление немцев продолжается.

Я узнал впоследствии, что на нашу школу упало 23 бомбы. (Я потушил две и помог затушить третью.)

14 октября. Сегодня дома безобразная сцена. Ира закатила истерику, что я вот ел в столовой треста, а она даже тарелки супа не съела в столовой — мама ей говорит, чтобы она успокоилась. Мне в то же время говорит, что Ире давали борщ в столовой и фасоль со шпиком, а Ира говорила, что ее от них тошнит, и не стала есть. А съела оставшиеся полплитки шоколада, и только. Сама не ест и на меня злится! «Я, — говорит, — голодная хожу!» А кто ей мешает пообедать? Мне уже мама начинает говорить, что надо привыкнуть к мысли, что если накормят человека днем тарелкой супа, то и будь доволен. А если мне к этой мысли не привыкнуть?.. Я не ем даже половины, четверти того, чтобы себя насытить... Эх, война, война...

Сейчас хмурая пасмурная погода. Морозит, идет снежок.

15 и 16 октября. Ничего особого не происходило. Сегодня не ходил с Давидом в школу, а сходил с ним в театр на «Опасный поворот». Чрезвычайно хорошая вещь. Замечательное обрамление, превосходная в целом вещь, но, к сожалению, похожа на какой-то громадный водевиль. Мне эта вещь до того понравилась, что я поставил ее рядом с «Идеальным мужем».

Сегодня вечером во время ночной тревоги потушил одну бомбу на дворе, спас от пожара дрова, а равно и дом.

На фронтах положение прескверное. По последним данным: Мариуполь взят, образовалось калининское направление и в настоящее время еще прорван фронт западного направления!!! Я сейчас как посмотрю на будущее, у меня волосы дыбом

становятся: применение ОВ, зима, немецкий гнет; этого уж нельзя. Или: фронт, смерть, бомба, смерть — калека (...), но кое-как перебиваюсь.

17 октября. Совершил ужасное преступление: потерял ключ от квартиры. Что-то мне мама вечером скажет, когда придет. Был в поликлинике глазной, врач принимает с 9 утра до часа ежедневно, кроме пятниц. В пятницы прием производится с 2-х часов дня, Был в фотографии, снялся на паспорт. Наверное, безобразно вышел из-за волос, которые расплзлись по всему лбу.

Вчера произошла безобразная сцена у наших жильцов. И-в., возвратясь, заподозрил жену в курении (курить, у кого туберкулез,— медленная верная смерть). Он начал ругаться во весь голос, нисколько не церемонясь, что его слышат. Она ему как будто возражала, а он кричал быстро-быстро: «Нет, нет, нет! Врешь! Врешь! Врешь!» Затем, когда была тревога, он собрался идти в бомбоубежище и стал тянуть ее с собой. Она не захотела идти. Тогда он выхватил у нее из рук сумку с ключом от комнаты и пошел вон. Она его догнала, вцепилась в сумку, произошла короткая борьба. И это на виду у нас! После (раньше) еще были подобные сцены. Я только обо всем этом не писал здесь. Она у него вторая жена, с первой он разошелся. Но я не завидую ее жизни. Хотя и питается сытно. Я всей своей едой скупой пожертвовал бы, только бы не оскорбляться так.

На фронтах положение прескверное. Западный фронт прорван, немецкие ударные группы ползут к Москве, захватывая в кольцо наши силы. Немецкая авиация бомбит Ленинград ежедневно. Ночью. То же самое, наверное, и с Москвой, Харьковом и т.д. По всему Уралу затемнение, идут слухи, что Уфу бомбили.

Сегодня осведомился у Игоря насчет положения на фронте. Он говорит, что над Москвой нависла опасность. Ленинград полностью отрезан от СССР, на Ленинградском фронте еще ничего, держатся. В Ленинграде кончаются запасы продовольствия, скоро, пожалуй, пойдут голодные смерти, эпидемии и т.п. С тоской вспоминаешь, что не эвакуировались. Я боюсь сейчас даже вперед заглядывать — живешь одним днем.

Завтра в школе откажусь от ночных дежурств из-за неимения теплой обуви. Сейчас простудиться совсем не время.

От голода так и скребет в животе и слюна течет. А ведь я сегодня все-таки пообедал в трестовской столовой. Сказывается отсутствие хлеба в первую очередь. Сегодня мама покупала пряники, так они сделаны из овса да немножко сахара. Хорошо, что такие. Жить по такой норме я согласился бы на время, хотя бы года на три, но чтобы не уменьшать норм, а ведь это обязательно будет...

18 и 19 октября. Мама брала на эти два дня выходные. Хотела ехать за картошкой, но дело обернулось само собой. В столовую привезли капусту, целый грузовик. И вот все жильцы нашего дома накинудились на нее. Кто сколько может. Хабидулин взял себе около 40 кочанов, а мы около 10, так как таскала капусту одна Ира. На следующий день мы до отказа наелись капустой. Ночь прошла спокойно.

Положение на фронте прескверное...

Говорят, что учиться начнем 25/X. Не думаю, однако, чтобы так было. Да, в прошлой сводке было сообщено, что мы эвакуировали в течение 8-ми дней г. Одессу.

Сейчас заглянул вперед. Если наступление немцев будет отбито, то все в порядке. Война нами выиграна. Если же наступление будет лишь остановлено, то длительный голод для нас. Если же немцы возьмут Москву, то для нас — смерть.

20 октября. Утром скучал, походил в поисках кваса, замерз и возвратился домой. Дома мороз. Был в пальто. Брал обед в столовке треста: щи да свекла. Поел, посидел, пошел к маме. Там взял из фонда Вольтера и Дюма «Графиня Монсоро» и «Сорок

пять» — ее окончание. Пообедал в столовке там. Поел супа-овсянки. Затем пошел домой. Пришел — тревога. Почитал Вольтера. Да, перед этим заходил Игорь. Он сказал, что занесет карточку вечером, ну да не верю больше этому. В магазинах на III декаду все еще не дают. Вечером произошла весьма выдающаяся вещь. Я, как написал выше, принес из фонда Дюма. Принес себе, так как читать мне нечего. И вот входит в комнату, как полновластная хозяйка, Анфиса Николаевна, говорит: «Я, Нина Михайловна, брала у вас Золя, вот вам обратно» (книгу эту дал ей я — но это еще ничего). Подходит она к столику, берет Дюма и говорит: «Нина Михайловна, я у вас возьму Дюма, мне читать нечего». А мама так и рассыпалась в похвалах этой книге, так ее и хвалит. Только возьмите. Меня взбесило. Я стал возражать (с улыбкой на лице! — до чего приходится унижаться), что эту книгу я хочу читать сам, но мама стала кричать на меня, что я могу читать Вольтера и т. д. Я ничего не мог сделать. Анфиса Николаевна забрала книгу и ушла. Я сейчас более-менее неплохо понимаю политику этой Анфисы Николаевны. Белыми нитками она шита. Она, во-первых, желает видеть, что мы превратимся перед нею в услужливых, мягко выражаясь, людей, и приучает нас к этому. Во-вторых, она, видя, как мы нуждаемся в хлебе, сахаре и т. п., в то время как сама она ест сытно, ничего не желает «дать» — ну, предположим, она очень и очень эгоистична, а, впрочем, может, она права. С тех пор как мама взяла у нее стакан драже, пообещав отдать, и не отдала, она категорически про себя решила не давать нам ни кусочка. И мне теперь становится стыдно, когда я вижу, как мама пьет воду, а А. Н. стоит рядом и рассказывает о театре, в то время как мама говорит: «Ну вот, дожили до ручки...»

Быть может, во мне говорит моя гордость, но я не могу без какой-то злости смотреть на это. И что хуже — я сам иногда так делаю. Эта Анфиса Николаевна похожа на толстенькую, сытенькую кошечку, которая разлеглась на диване и как будто говорит: «Ну-ка пощекочите меня». Она обо всем включительно передает своему мужу (исключая, ясно, себя), а тот (ночная кукушка всех перекукует) делает, как она хочет, сам того не замечая. Сейчас произошел еще один интересный номер: Игорь обещал нам карточку 1 категории и говорил мне, что занесет ее сегодня вечером, а она пришла к маме и прямо ей в лицо говорит: «Игорь карточки вам дать не может, так как она (...) отобрана». Как пить дать старается для себя. Она не привыкла за услугу платить услугой, а привыкла принимать от других услуги, ничего, кроме лестных слов, обратно не преподнося. Мама, я просто не знаю, что это такое, отдала ей большой кочан капусты, а (...), которая относится к нам действительно по-товарищески, дала маленький...

21 октября. Пролетарил с 8 утра до 6 вечера в школе. Заморил сегодня все-таки червячка. Затопил, вернее сказать (то есть залил водичкой). Сегодня на алгебре в школе сделал первую запись в тетрадь.

Вечером опять неприятный разговор о еде. Голод не тетка...

Мама купила на свою карточку недельный паек — 150 гр.— драже и отдала (у ней был долг) Анфисе Николаевне. Та ей только сказала спасибо и преспокойно взяла себе. Теперь у нас осталось всего-навсего 6 — 8 конфеток на 10 дней декады! Завтра их уже не будет, это как пить дать.

На фронтах положение — дрянь. Образовалось еще в придачу таганрогское направление. Неужели мы не разобьем немецких ударных частей и не восстановим сообщение Ленинграда с СССР до 1942 года?

Если бы только я знал, что нормы выдачи продовольствия и хлеба нам больше не уменьшат! Если бы я только знал! Но их уменьшат. Уменьшат еще раза в два. И это как раз перед годовщиной Октября, годовщиной величайшей в истории революции пролетариата 25 (7. XI) октября!

В школьной читальне, оказывается, есть много книг по шахматам, в их числе «Современный дебют».

22 октября. Все утро проторчал в очередях за пивом. С трудом пополам достал 2 бутылки, отморозил ноги. Потом 3 талона на крупу. Вечером дежурил в школе. Тревог не было. Таганрог взят немцами. Наступление немцев продолжается...

Зачитался романом А. Дюма «Графиня Монсоро». Увлекательная вещь. Мама 2 бутылки пива выменяла на 400 гр. хлеба. Меня опять в очередь за пивом посылают.

23 октября. Достал еще 2 бутылки пива. Был в кино. Смотрел «Праздник святого Йоргена». Читал «Графиню Монсоро»...

Дома и холод и голод. Все вместе.

24 октября. Весь день с 10 утра до 6 вечера вместо дежурства в школе провел в очереди за пивом. Не было времени даже постоять в милиции за паспортом. И все-таки пива не достал. Вечером пришла мама, истратила еще один кочан капусты. Кое-как заморил червячка. В сводках ничего особого нет, Мама мне говорила, что ЦК союзов эвакуирован в Куйбышев. Представляю себе положение в Москве.

Чаю дают 12,5 грамм в месяц на человека, яиц вообще не дают. Рыбы тоже. Сегодня интересно поведение Анфисы Николаевны. Подарила нам 3 оладьи из морковного пюре, которое достала в столовой треста, и 10 драже. Было с чем полкружки чая выпить. Написал письмо Тине. Попросил ее прислать посылку с сухарями или с картофельными лепешками. Надо думать устраиваться на работу. Об учебе на время придется забыть.

С Ирой странная вещь: днем и вечером под глазами синие потеки, колет в левом боку от быстрой ходьбы и не может есть жидкого (супа). Мама хочет идти с ней к врачу.

Что? Какой сюрприз преподнесут немцы?.. Во всяком случае, немцы грозятся сжечь Ленинград за три дня непрерывной тревоги (слухи ползут от Чистовых, которым, работая в пригороде, волей-неволей приходилось читать сбрасываемые немецкие листовки).

Очереди всюду: за пивом, за квасом, за газированной водой. За перцем, солью (особенно за солью!), за горчицей.

Немцы или перебросили все свои воздушные налеты на московский фронт, или готовятся к бомбежке на годовщину Октября. Хотят превратить наш светлый праздник в траурный день. Сегодня только узнал, что за тушение зажигательных бомб на чердаке и на дворе нашего дома мне объявлена благодарность через (...) треста. А когда это было, уже и не помню.

25 октября. Только отморозил себе ноги в очередях. Больше ничего не добился. Интересно, в пивных дают лимонад, приготовленный на сахарине или натуральных соках?

Эх, как хочется спать, спать, есть, есть, есть... Спать, есть, спать, есть... А что еще человеку надо? А будет человек сыт и здоров — ему захочется еще чего-нибудь, и так без конца. Месяц тому назад я хотел, вернее, мечтал о хлебе с маслом и колбасой, а теперь вот уж об одном хлебе...

Тина прислала еще два денежных перевода подряд: 200 рублей и 210 рублей. Наверное, ей прибавили шпалу, а то и две: военврач 1 ранга стала. Возможно, это и так.

Сегодня пропускаю 2-е по счету дежурство в школе, и 27-го (буду жив-здоров) придется пропустить еще одно.

Ну, кто бы мог подозревать, что события так сложатся? Заглянув вперед, у меня волосы дыбом встали на голове: холод, голод, арт. набеги, бомбежка, изнурительные (...) ночи, дни, целые сутки, затем (...) бактерии, кто спасется в первый день применения, тот погибнет от голода, все продукты в магазинах будут испорчены... Дальше я уж не гляжу, впредь оставаться в Ленинграде — гибель.

Мама мне говорит, что дневник сейчас не время вести. А я вести его буду. Не придется мне перечитывать его, перечитает кто-нибудь другой, узнает, что за человек такой был на свете — Рябинкин Юра, посмеется над этим человеком, да... Вспомнилась почему-то фраза Горького из «Клима Самгина»: «А может, мальчика-то и не было?..» Жил человек — нет человека. И народная загадка спрашивает: что самое короткое на свете? И ответ гласит: человеческая жизнь. Когда-нибудь я бы занялся, быть может, философией, но сейчас для этого надо: 1) еда и 2) сон. Этим и объясняется весь идеализм: для существования его необходим материалистический фундамент.

26 октября... И денег вдоволь — и все-таки голод.

29 октября... Я теперь еле переставляю ноги от слабости, а взбираться по лестнице для меня огромный труд. Мама говорит, что у меня начинает пухнуть лицо. А все из-за недоедания. Анфиса Николаевна сегодня вечером проронила интересные слова: «Сейчас все люди — эгоисты, каждый не думает о завтрашнем дне и поэтому сегодня ест как только может». Она права, эта кошечка.

Я сегодня написал еще одно письмо Тине. Прошу прислать посылочку из картофельных лепешек, дуранды и т. п. Неужели эта посылка — вещь невозможная? Мне надо приучаться к голоду, а я не могу. Ну что же мне делать?

Я не знаю, как я смогу учиться. Я хотел на днях заняться алгеброй, а в голове не формулы, а буханки хлеба.

Сейчас я бы должен был прочесть снова рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Прекрасная вещь, а для моего сегодняшнего настроения как нельзя более лучшая. Говорят, что на ноябрьских карточках все нормы прежние. Даже хлеба не прибавили. Мама мне сказала, что, если даже немцы будут отбиты, нормы будут прежние...

Да, немцы, наверное, объявят непрерывную бомбежку 7 и 8 ноября, А перед тем вдоволь измучают население артиллерийскими набегами да бомбежкой. Готовят нам на праздник сюрприз.

Теперь я мало забочусь о себе. Сплю одетый, слегка прополаскиваю разок утром лицо, рук мылом не мою, не переодеваюсь. В квартире у нас холодно, темно, ночи проводим при свете свечки.

Но самое обидное, самое что ни на есть плохое для меня—это то: я здесь живу в голоде, в холоде, среди блох, а рядом комната, где жизнь совершенно иная — всегда хлеб, каша, мясо, конфеты, тепло, яркая эстонская керосиновая лампа, комфорт... Это называется завистью — то, что я чувствую при мысли об Анфисе Николаевне, но побороть ее не могу.

Мне не к кому идти. К товарищам? У меня их нет. Вовка в Казани, Мишка — на работе. А такие (...) — эгоисты до глубины души, зачем к ним идти?.. Но во мне опять просыпается зависть, даже злость, горькая-прегорькая обида.

31 октября, 1 ноября. Что можно сказать об этих днях? 31-го я все же чувствовал себя несравненно лучше, чем раньше. Тетя Натала угостила меня горчичными лепешками, даже Анфиса Николаевна и та дала нам 150 гр. крупы (талонов — 6, из них 3 досталось мне на обед).

Ночью была тревога. Били зенитки, но бомб немцы не бросали. Бесперывно по городу оба дня бьют орудия. И-в говорил, что немцы стянули к Ленинграду свою дальнотойную артиллерию с Ла-Манша. Сегодня, 1-го, меня встретил неприятный конфуз, меня не пустили в столовую треста до 2-х часов. А в 2 часа в столовке уже кончилось картофельное пюре, и мне пришлось довольствоваться двумя тарелками чечевичной похлебки. Купил 3 пузырька с пертусином. Это смесь рома с валерьянкой и каплями датского короля. Чрезвычайно сладкая и питательная вещь, 2 пузырька уже выпил, остался один...

3, 4, 5 ноября. Все эти три дня шла учеба в школе. Понижены требования, из прежних преподавателей осталось только несколько. Остальные пришли из 213-й школы. При школе заработала столовка. Суп без карточек — по 1 тарелке на человека, а все остальное по карточкам.

Каждую ночь тревога. Бомбежка. Вчера над городом, в центре, было сбито за ночь 3 немецких самолета. Все время артиллерийские обстрелы. Да еще впереди — праздник. Какой «праздник» нам немцы преподнесут? ОВ, без сомнения... На 4 дня, с 6 или 7 начиная, в городе отобилизованы все обмывочные пункты. Что-то будет?!

На сегодня надо было прочесть «Мертвые души» Гоголя, но при тусклом свете свечки невозможно читать. Пишешь машинально. Многие новости не знаю. Говорят: «XXIV годовщина решает все...»

Что такое человек и человеческая жизнь? Что же, в конце концов? «Жизнь — копейка» — говорит старинная поговорка. Сколько человек жило до нас и сколько их должно было умереть... Но хорошо умереть, чувствуя и зная, что ты добился всего, о чем мечтал в юности, в детстве, хорошо умереть, зная, что остались последователи в твоих научных или литературных трудах, но ведь как тяжело... На что надеется сейчас Гитлер? На создание своей империи, самый замысел которой будет проклят человечеством будущих дней. И вот из-за какой-то кучки авантюристов гибнут миллионы и миллионы людей! Людей!.. Людей!!!

Уже поздно. Артиллерийская стрельба на время стихла. Свеча догорает. Голод, холод, темнота, грязь, вши и перспектива: багровое будущее, окутанное темной пеленой.

6, 7 ноября. На фронтах положение мне неизвестно. Говорят, что выступал Сталин и в своей речи объяснил причины нашего отступления, резко, как замечают, задел США и Англию, сказав, что их помощь в настоящую минуту малоэффективна и фактически воюем одни мы против Германии. Надо было бы познакомиться с этой речью поподробнее.

Занятия в школе продолжаютсЯ, но мне они что-то не нравятся. Сидим за партами в шубах, многие ребята совершенно уроков не учат. На литературе интересен тот факт, что ребята рассказывают образы из «Мертвых душ» по учебнику, где они есть. Некоторые даже вообще не читали «Мертвые души»...

Оказывается, рисовой каши больше у нас не осталось. Значит — 3 дня буду сидеть голодом полнейшим. Еле ноги буду таскать, если буду жив-здоров. Опять перешел на воду. Распухну, ну да что же... Мама заболела. И не на шутку, раз сама признается в своей болезни. Насморк, кашель с рвотой, с хрипом, жар, головная боль...

Я тоже, наверное, заболел. Тоже жар, головная боль, насморк. Все из-за того, по всей вероятности, что, бывши на школьном дежурстве, мне пришлось пройти через три двора без пальто и шапки. А дело было в полночь, мороз...

Учеба мне почему-то сейчас в голову не лезет. Совершенно нет желания учиться. Голова одними мыслями о еде, да о бомбежках, снарядах занята. Вчера поднял корзину с сором, вынес во двор и еле обратно на свой 2 этаж взобрался. Устал так,

словно 2 пуда волок целых полчаса, как кажется, сел и еле отдышался. Сейчас тревога. Зенитки бьют во всю. Бомб несколько также было. На часах — без пяти 5 вечера. Мама приходит в начале 7-го.

9 и 10 ноября. Засыпая, каждый день вижу во сне хлеб, масло, пироги, картошку. Да еще перед сном — мысль, что через 12 часов пройдет ночь и съешь кусок хлеба... Мама мне каждый день твердит, что она с Ирой ест по 2 стакана горячего, с сахаром чая, по полтарелки супа в день. Не больше. Да еще что тарелку супа вечером. Все же мне (...). Ира, например, вечером даже отказывается от лишней порции супа. А мне они обе твердят, что я питаюсь, как рабочий, мотивируя тем, что я ем 2 тарелки супа в столовых да побольше, чем они, хлеба. Весь характер мой почему-то сейчас круто изменился. Стал я вялый, слабый, — пишу, а рука дрожит, иду, а в коленках такая слабость, кажется — шаг ступишь, а больше не сможешь и упадешь.

9 и 10 ноября... (Продолжение) И все же я могу твердо сказать, что не будь рядом со мной сытых, я к этому всему привык бы. Но когда каждый звук, почти (...) задевает чем-то веселым, сытным. Перед собою, сидя в кухне, я вижу на плите кастрюлю с недоеденными обедами, ужинами и завтраками, что оставляет после себя Анфиса Николаевна, я не могу больше... Разрываюсь на части, буквально, конечно, нет, но, кажется... И запах хлеба, блинов, каши щекочет ноздри, как бы говоря: «Вот видишь! Вот видишь! А ты голодай, тебе нельзя...» Я привык к обстрелу, привык к бомбежке, но к этому я не могу привыкнуть — не могу! На фронтах положение не изменено. Только на калининском направлении наши части выступили на несколько км. Свои позиции под Ленинградом враг упорно не желает сдавать.

И опять сейчас мне в уши бьет веселый смех Анфисы Николаевны... Мама вчера одолжила кусочек сахара у Анфисы Николаевны, сегодня хочет одолжить у Кожинских. Но сегодня — последний день декады. Завтра—будет свой сахар, хлеб... и хлеб!! Через ночь...

У нас не выкуплено на эту декаду 400 граммов крупы, 615 граммов масла, 100 граммов муки... а этих продуктов нигде нет. Где они выдаются, возникают огромные очереди, сотни и сотни людей на улице, на морозе, а привозят (...) чего-нибудь в этом роде человек на 80—100. А люди стоят, мерзнут и ни с чем уходят. Люди встают в 4 часа утра, стоят до 9 вечера по магазинам и ничего не достают. И больно, а ничем не поможешь. Сейчас тревога. Она уже длится часа два. Нужда, голод заставляют идти в магазины, на мороз, в длинную очередь, в людскую давку... Провести так недели, а затем уже никаких желаний не останется у тебя. Останется тупое, холодное безразличие ко всему происходящему. Недоедаешь, недосыпаешь, холодаешь и еще к тому же — учишься. Не могу. Пусть мама решает вопрос: «Как быть?» Не в силах решить — сам попробую за нее. И вечер... что он мне готовит? Приходит мама с Ирой, голодные, замерзшие, усталые... Еле волокут ноги. Еды дома нет, дров для плиты нет... И ругань, уговоры, что вот внизу кто живет, достали крупу и мясо, а я не мог. И в магазинах мясо было, а я не достал его. И мама разводит руками, делает наивным лицо и говорит, как стонет: «Ну а я тоже занята, работаю. Мне не достать». И опять мне в очередь, и безрезультатно. Я понимаю, что я один могу достать еду, возвратиться к жизни всех нас троих. Но у меня не хватает сил, энергии на это. О, если бы у меня были валенки! Но у меня, их нет... И каждая очередь приближает меня к плевриту, к болезни... Я решил: лучше водянка. Буду пить, сколько могу. Сейчас опухшие щеки. Еще неделя, декада, месяц, если к Новому году не погибну от бомбежки — опухну.

Я сижу и плачу... Мне ведь только шестнадцать лет! Сволочи, кто накликал всю эту войну...

Прощай, детские мечты! Никогда вам ко мне не вернуться. Я буду сторониться вас как бешеных, как язвы. Сгинуло бы все прошлое в тартарары, чтобы я не знал, что такое хлеб, что такое колбаса! Чтобы меня не одурманивали мысли о прошлом счастье! Счастье!! Только таким можно было назвать мою прежнюю жизнь... Спокойствие за свое будущее! Какое чувство! Никогда больше не испытать...

Как я хотел бы, чтобы Тина взяла и прочла дневник у себя в комнате в Шлиссельбурге за чаем с бутербродом! Того, что переживаем мы в Ленинграде, ей еще вовек не приходилось переживать.

Сегодня вечером после тревоги сходил в магазин, что на Сенной. В рукопашной схватке в огромной тесноте, такой тесноте, что кричали, стонали, рыдали взрослые люди, удалось ценой невероятных физических усилий протискаться, пробиться без очереди в магазин и получить 190 г. сливочного масла и 500 г. колбасы из конины с соей. Когда я пришел домой, почувствовал сильные боли в груди, точно такие, какие я испытывал два года тому назад. У меня и так действительно сухой плеврит. Боли сильные, ну точь-в-точь такие, как прежде. Что за мучение! Завтра непременно пойду в тубдиспансер. В конце концов, я не хочу сейчас помирать от плеврита. Что я могу поделать? Что? Я бессилён... Против плеврита есть только два сильных средства: 1) отличное питание с обилием жиров и 2) воздух сухой, чистый, теплый. И оба средства отсутствуют...

Мама с Ирой «позавтракали» и идут на работу. Я пойду в тубдиспансер. Впрочем, перед этим позавтракаю в «комфорте и уюте». Почитаю.

...Сегодня достал 4 литра пива по карточкам, отдал их Анфисе Николаевне. И из них она мне дала выпить пол литра. Мне понравилось. Право, будь это в былые времена, я стал бы добросовестным алкоголиком.

Да, забыл сказать самое главное. У мамы распухли ноги и стали твердыми, как камень. Вот дела-то!

В тубдиспансер мне надо было бы идти завтра, в тот, в который ходит Анфиса Николаевна. Это у Мальцевского рынка, где каждый день идет обстрел.

...Приказ Гитлера, цитированный в «Ленинградской правде»: «Учитывая важность назревающих событий, особенно зиму, плохое материальное обеспечение армии, приказываю в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей большевиков Москвой».

...К 5 часам утра надо идти в очередь (...) обязательно. Все мы издерганы. У мамы я давно не вижу спокойных слов. Чего ни коснется в разговоре — ругань, крик или истерика, что-то в этом роде. Причина... Причин много — и голод, и вечный страх перед обстрелом и бомбежкой. В нашей семье — всего-то 3 человека — постоянный раздор, крупные ссоры... Мама что-то делит, Ира и я зорко следим — точно ли... Просто как-то не по себе, когда пишешь такие слова.

24 ноября. Как томительно тянется время! Как оно однообразно. Все мысли заняты едой и желанием вырваться из тисков голода, холода, страха... Все надежды на эвакуацию отложились в долгий ящик. На фронтах и под Ленинградом инициатива опять у немцев. Они, наверное, еще ближе, раз их снаряды разрываются на нашей улице, перед нашим домом.

Сегодня с половины седьмого в очередях. Бесконечные ленты, вереницы голодных людей... навсегда мне врежутся в память! Ничего не достал, ни в одном магазине не было масла, крупы или мяса. Ни в одном. А простоял я в очереди в магазинах целых 4 часа... И надо опять в очередь.

Мама говорит, что, во-первых, железная Северная дорога уже очищена (по словам Тураносовой), а сейчас ведется ее постройка (она была разобрана). Во-вторых, из Ленинграда, по многим признакам, эвакуируются все государственные учреждения и т.д.

Насчет эвакуации мама что-то бормочет невнятное, но, по всему видно, дело не пойдет.

25 ноября. Ходил к главному. Тот прописал мне очки, указывая на то, что у меня один глаз 0, а другой 30% зрения. Думаю, мне надо будет сходить в частную поликлинику.

Какие-то части на Южном фронте перешли в наступление и погнали немцев на 60 км. назад, разгромили (...) стрелковый корпус...

Под Уфой хлеб стоит 2 р. 50 коп., сколько угодно без карточек, а там это считается дорого. Ничего себе, а? Ведь это же рай...

26 ноября. Сегодня с утра ожесточенные артобстрелы города, и особенно района Сенной площади и нашего квартала. В дом № 30 еще попало 2 снаряда. Много убитых и раненых.

Меня сегодня мать Штакельберга назвала круглым дураком, что я не ворую у И-вых. «Я бы, — говорит, — и не посмотрела».

Вместо растительного масла дают повидло. Очереди. Эх, достать бы где кокосового жира! Где-нибудь...

Мама написала заявление на предоставление ей места в самолете для вылета из Ленинграда. Чувствую, что дело провалится, хотя какая-то тайная надежда есть на освобождение, но я все-таки угнетен разными плохими мыслями.

У меня мама потребовала Ирину карточку, хлебную. Хотят лишить меня печенья. Ну что ж... Раз только стоит Ире получить печенье, и она уже за него так уцепится, что не видать мне его больше... Опять пойдут гнусные, грязные сцены с дележкой, ей меньше, ей больше... Ну, положим, завтра я еще печенье получу, а с послезавтра начиная, кончайся моя и без того непривлекательная жизнь. Какая же жизнь, когда и печенье меня лишат... Вот теперь иди в магазин, доставай картофельной муки да кокосового масла или повидла, а они каждый день будут жаловаться, что они устали и т. д. Ирка обеими руками уцепится за печенье...

(...) положение ничуть не изменилось. Наступление на Москву продолжается. Пала Тула... В районе Тихвина идут ожесточенные бои. Ходят упорные слухи, что, как только армия прорвет, она сразу же эвакуируется из Ленинграда и будет брошена под Москву, а Ленинград будет сдан, жители смогут отступить с армией пешком. (...) настроение! Какие думы!

28 ноября. Был в тубдиспансере. Меня отправили на рентген и на анализы. Что будет дальше — не знаю.

Сегодня буду на коленях умолять маму отдать мне Ирину карточку на хлеб. Буду валяться на полу, а если она и тут откажет... Тогда мне уж не будет с чего волочить ноги. Сегодня дневная тревога опять продолжается что-то около трех часов. Магазины закрыты, а где мне достать картофельной муки и повидла? Пойду по окончании тревоги порыскаю. Насчет эвакуации я потерял надежду. Все это одни лишь разговоры... В школе учиться брошу — не идет учеба в голову. Да и как ей пойти? Дома голод, холод, ругань, плач, рядом сытые И-вы. Каждый день так удивительно похож на предыдущий однообразностью, мыслями, голодом, бомбежкой, артобстрелами. Сейчас выключилось электричество, где-то, я слышу, жужжит самолет, бьют зенитки, а вот дом содрогнулся от взрывной волны разорвавшейся неподалеку бомбы... Тусклая, серая погода, белые, мутные, низкие облака, снег на дворе, а на душе такие же невзрачные серые мысли. Мысли о еде, о тепле, об уюте... Дома не только ни куска хлеба (хлеба дают теперь на человека 125 г. в день), но ни одной хлебной крошки, ничего, что можно съесть. И холод, стыннут руки, замерзают ноги...

Сегодня придет мама, отнимет у меня хлебную Ирину карточку — ну ладно, пожертвую ею для Иры, пусть хоть она останется жива из всей этой адской (...), а я уж как-нибудь... Лишь бы вырваться отсюда... Лишь бы вырваться... Какой я эгоист! Я очерствел, я... Кем я стал! Разве я похож на того, каким был 3 месяца назад?.. Позавчера лазал ложкой в кастрюлю Анфисы Николаевны, я украдкой таскал из спрятанных запасов на декаду масло и капусту, с жадностью смотрел, как мама делит кусочек конфетки (...) и Ирой, поднимаю ругань из-за каждого кусочка, крошки съестного... Кем я стал? Я чувствую, чтобы стать таким, как прежде, требуется надежда, уверенность, что я с семьей завтра или послезавтра эвакуируюсь, хватило бы для меня, но это не будет. Не будет эвакуации, и все же какая-то тайная надежда в глубине моей души. Если бы не она, я бы воровал, грабил, я не знаю, до чего дошел бы. Только до одного я бы не дошел — не изменил бы. Это я знаю твердо. А до всего остального... Больше не могу писать — застыла рука.

29 ноября. Две вчерашних новости. Первая — письмо от Тины, написанное ею по дороге в Сибирь из г. Буя, где в гражданскую войну умер от тифа мой дед. Пишет, что состояние удовлетворительное (значит, хорошее), едет далеко, далеко. Письмо было написано в конце октября. Вторая новость — это то, что мама решила во что бы то ни стало эвакуироваться из Ленинграда. Хоть пешком. Но это только еще словесное решение. Мне надо опять ходить в школу, т.к. из Ленинграда разрешается эвакуироваться только учащимся. Заодно мне придется заплатить за учебу 100 рублей.

Положение в Ленинграде я лично считаю крайне тяжелым. Отсутствие продуктов, беспрестанная оружейная стрельба по всем районам города, да мало ли чего еще... Но, в общем, я считаю, что положение с эвакуацией начинает более-менее проясняться, хотя на это прояснение понадобится еще месяц-полтора.

Подбираю, подбираю, что взять с собой. Я твердо решил захватить с собой, поскольку это будет возможно, портфель со всяким моим «хламом» — 2 книги по шахматам, английской немного литературы, «Историю дипломатии», несколько исторических карт, лучшие открытки из коллекции, два-три учебника 9-го класса (например, «Основы дарвинизма», «Литература», «История», «География» или даже без последней).

Как хорошо забыться в таких сладостных мечтах, как эвакуация, но холод вернет к действительности.

Меня поражает перемена в поведении Анфисы Николаевны. Так, например, вчера она дала нам тарелку пшеничной каши и блюдец сухарей, не взяв за это ничего. Часто приносила из столовой треста какао, теперь оно исчезло. Сегодня я ей достал повидла, она дала мне за это грамм 50 его. В общем, я сейчас серьезно чувствую ее помощь. Если бы мы прожили еще полгода вместе, быть может, мы бы совсем подружились с нею. Впрочем, кто ее знает?.. Ведь факт остается фактом, что на днях ее в Ленинграде уже не будет. Время позднее. Вечер. Покушали киселя из картофельной муки с повидлом, что я сегодня достал, и сухарей, что дала Анфиса Николаевна, тоже с повидлом.

Завтра Ира получает по карточке 250 г. печенья. Сколько, а! Ну что ж, пусть поест их. Пусть...

Сегодня мама сказала, что ею подано заявление на разрешение о вылете. Что выйдет — неизвестно. Надеюсь на лучшее...

В комнате Анфисы Николаевны разыгралась бурная сцена. И-в. ругался со своей женой о том, что она хлеб меняет для себя на водку и т. д. Итак, сегодня 29 ноября. Вечером написал мало, хочется спать и не хочется идти в холодный коридор. И так хочется есть... Еще неделька — и я не потяну ног.

30 ноября. У мамы настроение явно эвакуационное. Вчера она много толковала об эвакуации с Анфисой Николаевной. Та ей дала, вернее, пообещала дать адрес своих родителей, живущих у Златоуста. Хоть это и не хлебный район, но голод там, вероятно, все же не такой, как здесь. Но все зависит от резолюции, которую поставят на мамино заявление. Это ясно. Ответ должен быть самое позднее через неделю.

Анфиса Николаевна дает нам каждый день штук восемь сухарей, сегодня дала кусок конины и бутылку растительного масла. Спасибо ей за это все.

Аккуратно в 12 дня и в 00 минут немцы начали опять налет. Опять и бомбят с воздуха, и одновременно обстреливают с батареей город. Я начинаю припасать деньги. Сейчас у меня 30 рублей, из которых легально я имею 10.

Итак, до решения нашей судьбы остаются считанные дни. В случае невылета пойдем пешком. Идти километров сто, но как-нибудь пройдем. Мечта мамина сейчас — это порвать с шумной городской жизнью, поселиться в каком-нибудь районном селе, где была бы десятилетка для меня, обзавестись хозяйством, избой, дать мне сельскохозяйственный уклон и дожить свою жизнь в тишине и уюте, как Тина. Мама устала от жизни. Ее тянет к себе такая, например, жизнь, какую вела Тина в Шлиссельбурге, мирная, спокойная жизнь без всяких передрыг и бурных переживаний... Но, быть может, я ошибаюсь и это лишь временный порыв у моей матери. Впрочем, такие же мечты, я помню, она имела в Сестрорецке, имела на Всеволожской: Жизнь среди природы, но эта жизнь требует... Но ладно, сейчас не до того. За окном бьют зенитки, взрываются бомбы, не до таких мыслей мне теперь.

Сегодня, между прочим, мама мне говорила, что голод, который мы переживаем, хуже того голода, какой был в 1918 году... В 1918 году — по словам мамы — было в высшей степени развито так называемое «мешочничество». Люди ездили в дальние деревни, там доставали хлеб, муку, масло, возвращались в Петроград и продавали из мешков все эти продукты, разумеется — за баснословные деньги. Но имевший тогда деньги был сыт, а сейчас может человек обладать миллионами, но, потеряв продовольственные и хлебные карточки на месяц, он неминуемо умрет с голоду, если только он уж не какой-нибудь феноменально предприимчивый человек.

На фронтах лучше... Немецкие войска в беспорядке отступают к Таганрогу. Мы преследуем их.

Итак, начинается разгром Германии. И под Москвой, и под Ростовом, и под Ленинградом. Чтобы поскорее лопнула бы эта фашистская свинья, черт бы ее побрал! Но когда она лопнет, то от нее повеет такой смрадный дым, что никого в живых не останется.

Завтра надо идти в школу. Обязательно. Если дело коснется эвакуации, то меня выпустят из города лишь в случае, если я буду учащимся. Поэтому необходимо посещать школу.

Как бы я сейчас поел хлеба... Хлеба... Хлеба...

1 декабря. Наступил новый месяц. Настала новая декада. Пишу утром. Сегодня был в школе в 8 ч. утра. Мне сказали, что с сегодняшнего дня занятия в школах начинаются с 10 часов, а пуск в школу без двадцати 10. Я пошел домой. Зашел в столовку треста. Там горячий чай с шоколадной конфеткой. На конфетку отрезают 10 г. кондитерских изделий. Пошел домой. В половине десятого хотел идти в школу, но дали тревогу. Сейчас, когда я это пишу, тревога продолжается, 10 часов уже, наверное, было.

Я сейчас так дорожу своей энергией, что для меня представляется важным даже решение сходить по коридору в столовую. Во всем теле чувствуется слабость. Ноги тяжелые, коленки слабые, тяжело подняться со стула, во всем теле слабость. И часов до 6 — 7 вечера, вероятно, не придется ничего есть. Дома масло мама запрятала, я его поискал и не нашел, а сырую конину есть не могу. Если тревога продолжится

еще часа 2, в школу не пойду. Какой смысл? А впрочем, следовало бы. Захватчу с собой лишь часть учебников.

Значит, немцы теперь будут начинать налеты с 10 часов утра, вернее, с половины десятого. А в школу мне надо выходить точно в такое же время. Как быть?

Хочу все же подытожить, чему научил меня ноябрь месяц и чем отличается 30 ноября от 30 октября. Прежде всего в ноябре началась учеба в школе, которая разбила все мои стремления к знаниям из-за той обстановки, в которой велась. И вот я покончил, казалось, со школой. Перешел в каждодневные мытарства стоянки по очередям. Сразу все мои идеалистические воззрения заменились материалистическими. Основное требование жизни за месяц осталось то же — еда.

Надо сказать, что продовольственное положение в день 30 октября у нас было хуже, чем 30 ноября. Но вместе с тем безусловно требования к еде остались прежними. «Что только есть съедобного— все в рот». Вот лозунг, к которому скоро можно будет прибавить частичку «не» к слову «съедобного». Надежды остались прежними, подкрепилось, правда, несколько теперь их материальное обоснование. Если эвакуация 30 октября казалась чем-то отвлеченным мне, то сейчас это вопрос недели... Итак, за истекший месяц можно сказать, что этот месяц, месяц страданий и слез, семейных ссор и голода, вымотал из меня половину тех сил, которые были у меня перед ним. Я ни разу не наелся досыта за весь этот месяц. Не прошло ни одного дня без того, чтобы не было бомбежки и артиллерийских обстрелов, не было ни одного дня, не омраченного, кроме голода, страхом за свою и мамину с Ириной жизнь.

Произошло 2 положительных явления за ноябрь. Переменились отношения с Анфисой Николаевной, которая, думая эвакуироваться на днях, дает нам немало по нынешнему положению продуктов бесплатно и не в обмен. Другое положительное явление, это эвакуация Тины в Сибирь с ее эвакуопунктом из Бокситогорска. Последнее письмо ее, полученное нами на днях, говорило, что она едет в поезде через г. Буй, который находится в Ярославской области.

Все мои надежды поставлены как будто бы на кончик ножа и держатся в некотором колебании. Какой-то будет ответ на заявление мамы о вылете? На всякий случай следует приготовиться к эвакуации пешком. Хотя и ходят слухи о подобной эвакуации, она сейчас идет стихийно и неорганизованно. Толков об этой эвакуации много. Говорят о каких-то питательных пунктах в дороге, о подвозе детей на грузовиках и т.п. Но чего не выдумают люди! Интересный факт. Позавчера в очередях появились толки, что на 11-разовый детский талон дадут 250 грамм печенья. Вчера, покуда я стоял в булочной, десятки людей засыпали продавцов вопросами: «Дают ли на 11-й талон печенье?» — и, разумеется, получали отрицательный ответ.

2 декабря. Что за пытку устраивают мне по вечерам мама с Ирой?.. За столом Ира ест нарочито долго, чтобы не только достигнуть удовольствия от еды, но еще для того, чтобы чувствовать, что она вот ест, а остальные, кто уже съел, сидят и смотрят на нее голодными глазами. Мама съедает всегда первой и затем понемножку берет у каждого из нас. При дележке хлеба Ира поднимает слезы, если мой кусочек на полграмма весит больше ее. Ира всегда с мамой. Я с мамой бываю лишь вечером и вижу ее утром. Быть может, и поэтому Ира всегда правая сторона... Я, по всей видимости, эгоист, как мне и говорила мама. Но я помню, как был дружен с Вовкой Шмайловым, как тогда я не разбирался, что его, а что мое, и как тогда мама, на этот раз мама сама, была эгоисткой. Она не давала Вовке книг, которых у меня было по две, и т. д. Почему же с тех пор она хотела так направить мой характер? И сейчас еще не поздно его переломить...

Я раньше должен был съесть 2 или 3 обеда в столовках за день плюс еще сытный ужин да завтрак, да так, подзакусить, чтобы быть сытым день. А сейчас я удовлетворяюсь 100 г. печенья утром, ничем днем и вечером тарелкой супа или похлебки. Кроме того, вода. Вода под названием чай, кофе, суп, просто вода. Вот мое меню.

А насчет эвакуации опять все заглохло. Почти. Мама боится уже ехать. «Приедешь,— говорит она,— в незнакомый край...» — и т. д. и т. п..

3 декабря. Заболела мама. Сегодня она не вышла и на работу. Температура, ломит кости, тяжесть в ногах... Не водянка ли? И так тяжело, а... Больше ничего не могу писать. Такое упадочное настроение. Сажу в кухне, трещат дрова в печке, а на сундуке рядом лежит больная мать... Боже мой!

По сводке Тихвин взят немцами. Севастополь продолжает обороняться. Мама больна, Ира — ребенок, от Тины ничего нет, неизвестен и ее адрес, я изнемогаю, изнурен, еле держусь на ногах... Что-то будет дальше?..

4 декабря. Весь день в работе. Встал рано, обегал булочные, достал сахарного печенья, затем ходил на ул. Правды в поликлинику, хотел вызвать врача для мамы — не тот участок, к которому мы принадлежим. Пришлось съездить еще на пер. Матянина, в другую поликлинику. Затем опять очередь, колка дров, страдания.

Мама уволена из обкома (в связи с ожидавшейся эвакуацией). Насчет ее эвакуации и теплой одежды (...). Лежит больная. Врач, приходивший к ней, нашел у мамы грипп, сердечную слабость, откуда опухоль на ногах, боли в боках и т. д. Лечение — питание. А его нет. Итак, мама слегла, у нее тяжелая болезнь, она лишена работы; возможно, что эвакуация пешком будет, но маме с ее опухшими ногами и болезнью, Ире с ее малой силой, мне со всеми остальными заботами о них и о себе, людям с 60-килограммовым, если не больше, багажом, не пройти далекого трехсоткилометрового снежного пути, не пробыть месяца в дороге... И вот финиш всей нашей жизни: замерзшие в дороге и оставшиеся больными в какой-нибудь захолустной больнице или истощенные ежедневным голодом, опухшие, еле влачащие свое ставшее жалким существование...

Вот и все, что сегодня я могу сказать, вернее, смог написать. Остаюсь равнодушен к вестям на фронте, удачные они или нет, безразличен ко всем событиям в политике. Что делается вокруг нас здесь, в квартире? Соседи 6 декабря улетают, 5 и 6 улетают Тураносовы, на днях эвакуируется с семьей Громов, выезжает в Ташкент семья Кацуры... А мама больна, ей необходимо питание, которого негде взять, необходим покой, я изнурен, истощен, Ира измучена также. Что делать?

5 декабря. Мама права, надо верить всегда в лучшее. Сейчас надо верить, что мы эвакуируемся. Так должно быть. И будет. Хотя мама еле ходит — она поправится, хотя Ира жалуется на боли в левом боку — пройдет. Хотя я и мама не обуты, у нас нет валенок и теплых вещей — мы вырвемся из этого голодного плена — Ленинграда. Но сейчас уже вечер, идет тревога, бьют зенитки, рвутся бомбы... Разыгрывается жутчайшая лотерея, где выигрыш для человека — жизнь, а проигрыш — смерть. Такова жизнь. И-вы. завтра не уезжают. Они уедут на днях. Счастливые люди...

Голод. Жестокий голод!

Понемногу, мало-помалу передо мной встает образ Анфисы Николаевны. Из ее ссор с мужем, во время которых оба раскрывают часть своей жизни, из разговоров с ними, а теперь из глубины души исходившего горестного рассказа И-ва. несколько встал из тумана передо мной этот образ.

Анфисе Николаевне 27 лет. 14-ти лет она уже любила, вернее, была любовницей какого-то грубого человека, который силой и грубостью приучил ее еще тогда к алкоголю. С тех пор она уже не могла оторваться от вина, водки и т. д. С ней были горячки, она валялась пьяная под забором... Но она была дьявольски красива и обворожительна в трезвом виде. Такой, по всей видимости, встречает ее И-в. Он бросает для нее свою прежнюю жену и дочь, получая письмо, в котором она умоляет его под влиянием какого-то обновления «вырвать ее из этой грязной ямы», жениться на ней. И вот жизнь для нее наступает новая. Муж получает 2000 р. в месяц, жена тратит по 40 р. в день. Езда по санаториям, всевозможные попытки отучить жену от пьянства, ссоры из-за денег... И. сам по себе человек немного неуравновешенный, когда-то он был даже в психиатрической больнице. А жена часто оставляла его перед зарплатой совершенно без денег, пропивая их. Но вместе с тем Анфиса несомненно человек, который в трезвом виде изумителен по характеру. Возможно, что это, конечно, притворство, но все-таки... Во всяком случае, Анфиса Николаевна — это очень трудный по раскрытию характера человек.

6 декабря. Одиннадцать часов утра. И-вы не уехали. Отъезд их отложили на 2 — 3 дня. Мама с Ирой отправились в обком. Маме теперь нужно хлопотать о многом. Разрешение на выезд, вылет на самолете или присоединение к партии И-ва., теплая одежда для мамы и бурки мне, приделать замок на дверь. Но у мамы уже совсем мало энергии. Для энергии нужна еда. Еда прежде всего. Она — источник единственный энергии в организме.

Конечный пункт эвакуации у мамы намечен. Это Барнаул, его окрестности. Все дело лишь сводится вообще-то к двум вещам: как ехать и в чем ехать. Тураносова должна была вылететь сегодня утром. Ответ из Смольного, наверное, еще не получен. Это плохо. Хорошо бы, если б нас приписали к группе И-ва.

Маме еще предстоят две трудности. Первая — это обеспечить финансовое наше положение за счет обкома и продажи некоторых вещей, а вторая — договориться насчет увольнения, что гораздо проще.

Итак, задержка из-за теплых вещей — раз и из-за способа эвакуации — два. Но еще главный вопрос — это еда. Без нее нам не двинуть ног... Мы можем продержаться лишь до числа 13, 14, не позже, или до числа 9, 10...

Анфиса Николаевна дала нам вчера граммов 300 гороха, думая, что сегодня уедет. Вот дала бы граммов 800 — 900!

Мне предстоят еще очень большие трудности. Очиститься от вшей, сходить в баню, в парикмахерскую, убрать книги, достать дрова, выкупить продукты, свести концы со школой. Чувствую, что уже очень недолго осталось мне до того дня, когда я надорвусь и слягу. Но если я слягу, то уж слягу.

Вчера газет не читал, ничего не знаю, не ведаю о событиях. На нашем-то Ленинградском фронте дела плохи, это-то и я хорошо знаю. Даже слышал вчера в какой-то очереди, что запрещена пешая эвакуация, которая производилась по льду Ладожского озера. Людям давали белые маскировочные халаты, и они проходили в них сквозь пургу, по льду, без остановки, без еды 80 километров. Многие не выдерживали и погибали.

Известна песенка: «Кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет». Попробую ей следовать.

От Тины нам, разумеется, помощи никакой ждать нечего. Ей есть теперь куда тратить свою зарплату. Самый счастливый из нашей семьи человек. В последнем письме из Кирова она писала, что состояние у нее удовлетворительное. А два или три месяца в письме из Бокситогорска жаловалась на нехватку сладкого. Значит, сейчас насчет еды у нее все в порядке. Выбор всех лакомств перед нею, на хлеб и внимания не обращает. А думает ли она о нас? Думает ли? И как думает? Знает ли о

голоде в Ленинграде, о бомбежке, артобстрелах? А то, быть может, предалась чревоугодию сейчас?.. Все возможно. Я так оголодал, что не могу заставить себя поделиться крошкой хлеба с мамой. Просто больно, так тяжело за сегодняшнее утро у меня на душе, и я знаю, что так и впредь будет, если я не остановлю себя сейчас... Но как остановить. Больно, больно...

7 декабря. Вчера произошло несколько интересных событий. Мама незаконным образом, договорившись с Громовым, взяла служащую карточку Сухарева, которого отчислили из списков обкома. Вчера мы купили по этой карточке 200 г. макарон, 350 г. конфет и 125 г. хлеба. Все это, за исключением макарон, вчера и съели. Маме еще дали записку к председателю райсовета об отпуске ей жмыхов. Ну да из этого-то ничего не выйдет. Тураносова обещала сегодня приготовить для мамы старые валенки, но я не смог за ними утром сходить — такой сильный мороз. Вчера еще заходила без мамы Бушуева, собирается завтра эвакуироваться пешком, обещала зайти сегодня к 6 вечера.

Эта декада будет решающей для нашей судьбы... Главнейшие задачи, которые следует разрешить, это в чем ехать и с кем ехать. Эх, если бы я хоть раза два подряд покушал досыта! А то откуда мне взять энергию и силу для всех тех трудностей, что предстоят впереди... Мама опять больна. Сегодня спала всего-навсего три часа, с трех до шести утра. Мне просто было бы необходимо сейчас съездить к Тураносовой за обещанной теплой одеждой. Но такой мороз на улице, такая усталость в теле, что я боюсь даже выйти из дома.

Начал вести я дневник в начале лета, а уже зима. Ну разве я ожидал, что из моего дневника выйдет что-либо подобное?

А я начинаю поднакоплять деньжонки. Сейчас уже обладаю 56 рублями наличности, о наличии которых у меня ведаю один лишь я. Плита загудела, и в кухне мало-помалу воцаряется холод. Надо надевать пальто, чтобы не замерзнуть. А еще хочу ехать в Сибирь! Но я чувствую, что дай мне поесть — и с меня сойдет вся меланхолия, все уныние, слетит усталость, развяжется язык, и я стану человеком, а не подобием его...

Каждый вечер к нам приходит Игорь, брат Анфисы Николаевны. Анфиса Николаевна его тут кормит как на убой, отдала ему весь запас сухарей. Теперь, если она куда-нибудь поедет, так нам ровным счетом ничего не оставит. Может быть, еще оставит пропуск получать по пол-литра молока каждый день в тубдиспансере за себя у Клинского рынка, месте, которое каждый день подвергается обстрелу, так что идти туда не только далеко, но и опасно для жизни.

Сейчас я похудел примерно килограммов на 10—15, не больше. Быть может, еще меньше, но тогда уже за счет чрезмерного потребления воды. Когда-то раньше мне хватало полтора стакана чая утром, но сейчас не хватает шести.

8 декабря. А сегодня... сегодня я потерял карточку на масло Сухарева, ту самую, которую мама нелегально себе присвоила на первую декаду. И вот... что теперь делать? Боюсь, смертельно боюсь, что вся эта история с присвоением карточки Сухарева всплывет, и тогда... Жизнь моя обрушится, так же как и жизни мамы и Иры... Я ее потерял — точно знаю — в столовке треста. Быть может, оставил в руках у буфетчицы. Только бы дело не пошло дальше... Только бы... Не знаю, говорить ли с мамой на эту тему. Если у мамы хорошее будет настроение — это мало очевидно, — то поговорю, если нет — об утере умолчу.

Боль, жестокая боль во мне от этой карточки!.. Больше ни о чем не могу и думать. И еще финал (возможный): карточка оказывается потерянной дома и ее находит Анфиса Николаевна. У нее становится ясный вопрос: как к нам (больше не к кому) могла попасть эта карточка? Обращает внимание на печать — обком союза!.. А эта

печать хранилась до последних чисел у мамы. Доводит обо всем до сведения Николая Матвеевича, тот дознается, кто такой Сухарев,— и вот мама идет в трибунал, а там изгнание из партии, расстрел и т. п.

Сейчас три часа дня, а мама ушла на работу в девять утра. Чем-то она занята? Неужели ни на шаг этот день не подвинет к нам эвакуацию? Ехать, ехать, ехать! Насущный вопрос. Теплая одежда, без теплой одежды никуда не выедешь.

9 декабря. Карточка нашлась у мамы. Я по ней вчера выкупил 200 г. сметаны. Вчера и съели. Да, сегодня еще вот подъели вчерашние 100 г. жира да дай бог, чтобы 15 г. осталось.

Вчера мама достала и принесла два ватника и теплых штанов. Очередь за валенками.

С самолетом вопрос не решен. Но я имею надежду, что мы полетим. Правда, вот И-ву. с женой отказали в вылете, но Кацуре, жене, разрешили лететь до самой Вологды. Во всяком случае, это дело весьма спорное. Одно время отправка производилась, но сейчас, как мне сказал И-в., дело замолкло. Списки эвакуируемых резко сокращаются, желающие эвакуироваться — почти все, кому ни скажешь, так что дело становится серьезнее, чем раньше. По словам И-ва., раньше эвакуировали на грузовиках-трехтонках, а теперь идут только полуторатонки.

Обком выдал маме на эвакуацию денег. Вчера мы считали деньги, у нас наличностью было 1300 с лишним рублей. С 10 декабря мама лишается работы. Я думаю, что если бы был положительный ответ из Смольного, то я бы был так счастлив, как никогда. Этот ответ должен быть, обязан быть, он будет, потому что... да и как ему не быть?! «Кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет!»

Хорошо бы улететь 12-го. 11 выкупить все конфеты на новую декаду и улететь, грызя их. Пожалуй, тогда у меня даже воспоминания об этой жуткой голодовке как-то смягчатся. А ведь что со мной было? Ел kota, воровал ложкой из котелков Анфисы Николаевны, утаскивал лишнюю кроху у мамы и Иры, обманывал порой их, замерзал в бесконечных очередях, ругался и дрался у дверей магазинов за право пойти и получить 100 г. масла... Я зарастал грязью, разводил кучу вшей, у меня не хватало энергии от истощения, чтобы встать со стула, — это была для меня такая огромная тяжесть! Непрерывная бомбежка и обстрелы, дежурства на школьных чердаках, споры и сцены дома с дележом продуктов... Я осознал цену хлебной крошки, которые подбирал пальцем по столу, и я понял, хотя, быть может, и не до конца, свой грубый эгоистичный характер. «Горбатого одна могила исправит» — говорит пословица. Неужели я не исправлю своего характера?

9 декабря (продолжение). Сколько еще чистых страниц осталось в дневнике? Раз, два, три... Тридцать шесть... А было... было двести. Через полмесяца уже полгода этому дневнику, полгода войны. Много я писал в этом дневнике. Сперва мои записи носили описательный характер, затем сменились лирическими. Каждый прожитый мною день дает еще одну страницу, а то и две. И сколько раз запись дня начиналась о голоде, о голоде и холоде? Сейчас, когда я вижу перед собой перспективу эвакуации, я как-то замалчиваю эти мысли. Но вот исчезни эта надежда... Что будет? Чем я буду жить? А сейчас опять не то обстрел, не то тревога. Что-то где-то бьет, слышно. Мама во Дворце труда. Там под обстрелом... Ей надо опечатать имущество обкома, фонд. Разрешится ли сегодня наша надежда о вылете? Или нет?..

Пора кончать. И без того целый лист перемарал без толку своими «лирическими» отступлениями. Вернусь-ка к реализму. Что нам сегодня поесть придется? Хорошо, если в столовке отпустят по талонам за II декаду. А то без ничего будем сидеть весь день. Весь день... Сутки...

10 декабря. Декада к концу. А дела наши с эвакуацией... Вопрос все еще остается открытым. Как это мучительно! Знаешь, что с каждым днем твои силы иссякают, что ты изнемогаешь от недоедания день ото дня все больше и больше, и дорога к смерти, голодной смерти, идет параболой с обратного ее конца, что чем дальше, тем быстрее становится этот процесс медленного умирания... Вчера в очереди в столовой рассказывала одна гражданка, что у нас в доме уже пять человек умерло с голода... А самолеты летят до Вологды... Каждому прибывающему дается целых 800 г. хлеба и еще сколько угодно по коммерческой цене. И масло, и суп, и каша, и обед... Обед, состоящий не из жидкости, а из твердых тел, именуемых: каша, хлеб, картофель, овощи... Какой это контраст с нашим Ленинградом! Вырваться бы из этих чудовищных объятий смертельного голода, вырваться бы из-под вечного страха за свою жизнь, начать бы новую мирную жизнь где-нибудь в небольшой деревушке среди природы... забыть пережитые страдания... Вот она, моя мечта на сегодня.

«Кто хочет — тот добьется, кто ищет — тот всегда найдет!» Но когда Лебедев-Кумач составил слова к этой песенке, не думал он... Правильна народная мудрость: «Человек закаляется в несчастье», «Весь характер человека проявляется у него полностью лишь в несчастье». Таков и я. Несчастья не закалили, а только ослабили меня, а сам характер у меня оказался эгоистичным. Но я чувствую, что сломать мне сейчас свой характер не под силу. Только бы начать! Завтра, если все будет, как сегодня утром, я должен был бы принести все пряники домой, но ведь я не утерплю и хотя бы четверть пряника да съем. Вот в чем проявляется мой эгоизм. Однако попробую принести все. Все! Все! Все!!! Все!!! Ладно, пусть уж если я скачусь к голодной смерти, к опухолям, к водянке, но будет у меня мысль, что я поступил честно, что у меня есть воля. Завтра я должен показать себе эту волю. Не взять ни кусочка из того, что я куплю! Ни кусочка! Если эвакуации не будет — у меня живет-таки надежда на эвакуацию, — я должен буду суметь продержаться маму и Иру. Выход будет один — идти санитаром в госпиталь. Впрочем, у меня уже созрел план. Мама идет в какой-нибудь организуемый госпиталь библиотекарем, а я ей в помощники или как культработник. Ира будет при нас.

Сегодняшний вечер даст мне лишь одни слезы. Я это знаю. Мама голодная, холодная. Дров у нас мало, почти нет, теплого она ничего не достанет, съестного также, измучается, издергается... Из Смольного придет отрицательный ответ, или вопрос все еще останется открытым. Жмыха и дуранды не достанет. Утром, перед ее уходом, плакала Ира — плохая примета, неужели и я стал верить в приметы? Наверное, так. Какие мрачные мысли лезут мне в голову! Все горько, все уныло, голодно, холодно стало на этом свете. Все мысли стремятся к одной еде да еще к теплу. На улице мороз —20 —25 градусов. В комнате, хотя и топилась печка, холод такой, что у меня замерзли ноги и по спине бегают дрожь. И ведь дай мне съесть буханку хлеба!.. Я оживу, я засмеюсь, я запою песни, я... что говорить...

На часах одиннадцать утра... А впереди — день, вечер, ночь. А там... там новый день, новая порция хлеба в 125 г. Новая декада. Конфеты... Медленно угаснет во мне жизнь, как медленно переворачиваются страницы этого дневника... Но медленно и верно!

...У меня такое скверное настроение и вчера и сегодня. Сегодня на самую малость не сдержал своего честного слова — взял полконфетки из купленных, а также граммов 40 из 200 кураги. Но насчет кураги я честного слова не давал, а вот насчет полконфеты... Съел я ее и такую боль в душе почувствовал, что выплюнул бы съеденную крошку вон, да не выплюнешь... И кусочек маленький-маленький шоколада тоже съел... Ну что я за человек! У мамы вчера сильно распухла нога, с эвакуацией вопрос открытый, в списки треста № 16 маму включить нельзя, одна надежда на Смольный. Смольный даст нам троим, маме, мне и Ирине, жизнь или

смерть. У нас после сегодняшнего дня осталось только 200 — 300 граммов крупы на вторую декаду да 300 граммов мяса. Конфет тоже всего 650 граммов, правда, еще сахара Ирине 200 граммов должны получить. У мамы ее карточка уже полуиспользована на 2-ю декаду, в запасе лишь Ирина (150 г.) да моя — 180 граммов... А внешне мы готовимся к эвакуации, собираем вещи, приготавливаемся...

Меня уже не радует начавшееся по всему фронту наше наступление, отбит Тихвин, Елец, немцы бегут на ростовском направлении к Мариуполю и Таганрогу, на московском направлении наши части начинают гнать немцев с завоеванных ими областей, из-за отсутствия антиобледенителей сотни немецких самолетов бездействуют, почему немцы и не бомбят Ленинград эти дни, разворачивается все шире партизанская война в Югославии, немецкие части несут большой урон от англичан в Ливии, лишь Япония продолжает бить США, нанося чрезвычайно эффективные удары, но ее постигнет участь та же, что получит и Германия от нас. Эх, если бы только разрешили вылет на самолете! Только перенесший большое горе, большие страдания может ощутить в полной мере счастье, какое только существует на земле. Через две декады Новый год. Где-то будем мы, что будет с нами? В эту новогоднюю ночь осиротеют новогодние игрушки в диване, не будет для них елки, негде им будет показаться во всем своем блеске и наряде. Не до елки будет каждому человеку в Ленинграде в эту ночь. Как сон мы вспомним, если будем живы прошлогодние рождественские вечера, елки с горящими свечами обильный пряностями, закусками и другими сладостями ужин, какой всегда имел место на 1 января... Может быть, а впрочем, что загадывать наперед, что с тобой может случиться?.. Как проведет эту ночь Тина? Где будут ее мысли ровно в 12 часов ночи 31 декабря 1941 года, когда сорвется последний листок календаря и откроется новый чистый свежий календарь 1942 года?.. Время летит, летит...

Сейчас мама ушла в трест № 2 к Тураносовой осведомиться насчет отправки из Ленинграда и валенок.

Анфиса Николаевна ходит злая и угрюмая. Понятно отчего. Запасы сухарей и крупы у нее кончились, послезавтра она последний раз получает молоко в тубдиспансере, а об эвакуации ее вопрос также остается открытым. Вот и бесится, боится, что будет недоедать. Ну что ж, смеяться над чужим несчастьем не нужно, дай бог, чтобы наступило на всем земном шаре такое время, когда ни один человек не знал бы, что такое голод.

Страницы моего дневника подходят к концу. Кажется, что сам дневник определяет мне время своего ведения...

12 декабря. Сейчас мама ушла в карточное бюро. От этого зависит вся моя дальнейшая жизнь. Если история эта всплывет наружу, я могу даже покончить с собой. Впрочем, что так бы и вышло. Мне тогда, выросшему в почти беззаботной, счастливой, райской, как мне кажется, обстановке, жить мне тогда — значит вечно мучаться, пока голод или немецкая пуля не прекратят мое жалкое влечение. Что-то будет тогда с Ирой, с мамой... Выехать из Ленинграда, даже вылететь, если бы ответ из Смольного был бы положителен, удалось бы только в январе месяце. А опухнуть и умереть от водянки можно в неделю, а отправиться на тот свет от шального осколка или грядущих быть ОВ и в одно мгновение.

Но наружно я должен не унывать. Иначе — все. Все не для меня (для меня все уже настанет, быть может, через... ну, время назвать не могу — в любое мгновение), но все для мамы, Ирины. Прольет Тина слезы на дальней стороне, вспомнит всю нашу прошлую жизнь, пожалеет кое о чем, да и через полгода станет опять такая ж... Пройдет полгода, год. война кончится, настанет прежняя счастливая жизнь в нашем городе. Истлеют наши трупы, в пыль рассыплются кости, а Ленинград будет вечно стоять на берегах Невы гордый и недоступный врагу.

Сколько людей каждый день умирает в Ленинграде! Сколько голодных смертей! Только сейчас я представляю себе город, осажденный врагом. Голод несет смерть всему живому. Только на себе испытавшие голод могут понять его. Вообразить же его не испытавшему человеку невозможно.

Но зачем такие грустные мысли, столько меланхолии? Вспомнешь, бывало, оду Державина «На смерть кн. Мещерского» да и задумываешься над концом. Раз нам дали жизнь, этот бесценный дар природы, так зачем же думать о плохом в ней? Думай лишь о хорошем, бери от жизни все те удовольствия, какие она может дать. Что терять?

Все это так, но какой-то тайный червь грызет втайне мою душу. Человек никогда не удовлетворится настоящим. Ему надо еще хоть самое мизерное улучшение, что-то новое в будущем. Можно впрямую сказать, что «надежды юношей питают», внося еще одну поправку, а именно: под юношами подразумевать всех людей.

Третий час ночи. Ира спит, я пишу дневник.

12 декабря (продолжение). Мамы нет дома. Через полчаса, а то и немного раньше надо сходить в столовку треста. Итак, сегодня уже 12 декабря. Кстати, это, кажется, уже IV годовщина дня выборов в Верховный Совет СССР. Сегодня я прямо заявляю, что больше месяца мы в Ленинграде не проживем. Это как $2 \times 2 = 4$. Сейчас стук в дверь — бегу отворять, сердце тревожно забилося в груди, отворяю... не мама, а Анфиса Николаевна...

5 часов вечера, а мамы нет. Значит, это что-то плохое. Либо дело с карточкой всплыло, маму, быть может, даже задержали в бюро, либо с мамой произошел какой-нибудь несчастный случай, быть может, она сейчас уже в больнице или даже морге... Чем не играет судьба?..

И все это из-за карточки. А почему мама взяла эту карточку? Из-за меня, из-за моего голодного вида. Это я толкнул ее на преступление, я виновник смерти, быть может, или же будущей нищенской жизни мамы и Иры, горя Тины, не говоря уж о зле, причиненном самому себе. Я виновник всего этого! Если бы я не впадал в меланхолию, уныние, было бы не то. Под моим влиянием мама пошла на преступление, я должен перенять кару с нее на себя. Если и это не выйдет, если я погубил все наши жизни, я лишу себя жизни, я должен и могу это сделать. Пойти добровольцем в ополчение и хоть на фронте сделать доброе дело, погибнуть за родину. Погибнуть, не забыть отдать свой долг. «Любишь кататься — люби и саночки возить», «Что посеешь, то и пожнешь».

Если история с карточкой вышла, то я отправлю Тине следующую телеграмму-молнию: «При смерти. Помощь не нужна. Забудь нас. Юра». Но я так писал бы, коли был один. А ведь Ира. Наконец, мало ведь как можно испортить всю их жизнь? Умереть-то легко, а вот поставить Иру на истинный путь!.. Пишешь и чуть не плачешь. Вчера мама говорит: «У меня вся надежда на бога. Вот я и коммунистка, а в бога верую. И Ира тоже». Но на бога надейся, а сам не плошай. И все-таки я чувствую, что, пожалуй, я тоже становлюсь религиозен, смотрю на икону и молю бога, чтобы отвлек от нас это несчастье.

А мамы нет и нет... Шестой ведь уже час вечера, ушла и вот до сих пор нету... А сегодня как раз артобстрел был где-то...

Единственный человек, которому мы дороги, который не покинул бы нас в минуту несчастья, Тина — далеко-далеко, в Канске, в Красноярском крае, за блокадой, за фронтом, за Уралом, за Енисеем, в самой глуши Сибири...

Еще подожду полчаса или час, а затем пойду в трест № 2. Я должен знать, где мама. А если ее там после часу не видели, придется завтра наводить справки по больницам, съездить в морги.

13, 14 декабря. Пишу за два дня, что редко со мной теперь случается. Полдня провалялся в постели, вечером сходил в магазин и купил 6 плиток какао с сахаром из сои по 30 р. (пачка — 100 г.) да еще 300 г. сыру по 19 р. кг. По дороге домой случилось несчастье, так что я вернулся домой, имея при себе лишь 350 г. какао да сыр. Была сцена с мамой и Ирой. Мама, вернувшись из райкома, сообщила, что мы занесены в список эвакуирующихся на автомашинах в колонну Наркомстроя, которая по обещанию райкома да райсовета пойдет 15 — 20 декабря. Завтра как будто еще решится о самолете. Дома еды нет никакой, кроме 100 г. хлеба, которые мама выменяла на пачку табаку. Болит зуб, общее недомогание, в отъезд из Ленинграда как-то не верится, все думы о еде, еле держусь на ногах, так что, несмотря на вести об эвакуации и хорошие новости с фронта (разгром немецкой армии под Москвой, Ростовом, Тихвином), настроение упадочное. Если бы только чем-нибудь подкрепиться, что-нибудь поесть! Как бы я ожил...

15 декабря. Каждый прожитый мною здесь день приближает меня к самоубийству. Действительно, выхода нет. Тупик, я не могу дальше продолжать так жить. Голод. Страшный голод. Опять замолкло все об эвакуации. Становится тяжело жить. Жить, не зная для чего, жить, влачить свою жизнь в голоде и холоде. Морозы до 25 — 30° пробирают в 10 минут и валенки. Не могу... Рядом мама с Ирой. Я не могу отбирать от них их кусок хлеба. Не могу, ибо знаю, что такое сейчас даже хлебная крошка. Но я вижу, что они делятся со мной, и я, сволочь, тяну у них исподтишка последнее. А до чего они доведены, если мама вчера со слезами на глазах говорила мне, что она искренне желала бы мне подавиться уворованным у нее с Ирой довеском хлеба в 10—15 грамм. Какой страшный голод! Я чувствую, знаю, что вот предложи мне кто-нибудь смертельный яд, смерть от которого приходит без мучений, во сне, я взял и принял бы его. Я хочу жить, но так жить я не могу! Но я хочу жить! Так что же?

Ну вот и все... Я потерял свою честность, веру в нее, я постиг свой удел. Два дня тому назад я был послан за конфетами. Мало того, что я вместо конфет купил какао с сахаром (расчет на то, что Ира его есть не станет и увеличится моя доля), я еще половину «всего» — каких-то 600 г. полагалось нам на всю декаду — присвоил, выдумал рассказ, как у меня три пачки какао выхватили из рук, разыграл дома комедию со слезами и дал маме честное пионерское слово, что ни одной пачки какао себе я не брал... А затем, смотря зачерствелым сердцем на мамины слезы и горе, что она лишена сладкого, я потихоньку ел какао. Сегодня, возвращаясь из булочной, я отнял, взял довесок хлеба от мамы и Иры граммов в 25 и также укромно съел. Сейчас в столовой я съел тарелку супа с крабами, биточки с гарниром и полторы порции киселя, а домой маме и Ире принес только полторы порции киселя и из них еще часть взял себе дома.

Я скатился в пропасть, названную распущенностью, полнейшим отсутствием совести, бесчестием и позором. Я недостойный сын своей матери и недостойный брат своей сестры. Я эгоист, человек, в тяжкую минуту забывающий всех своих близких и родных. И в то же время, когда я делаю так, мама выбивается из сил. С опухшими ногами, с больным сердцем, в легкой обуви по морозу, без кусочка хлеба за день она бегаёт по учреждениям, делает самые жалкие потуги, стараясь вырвать нас отсюда. Я потерял веру в эвакуацию. Она исчезла для меня. Весь мир для меня заменился едой. Все остальное создано для еды, для ее добывания, получения...

Я погибший человек. Жизнь для меня кончена. То, что предстоит мне впереди, то не жизнь, я хотел бы сейчас две вещи: умереть самому, сейчас, а этот дневник пусть прочла бы мама. Пусть она прокляла бы меня, грязное, бесчувственное и лицемерное животное, пусть бы отреклась от меня — я слишком пал, слишком...

Что будет дальше? Неужели смерть не возьмет меня? Но я хотел бы быстрой, не мучительной смерти, не голодной, что стала кровавым призраком так близко впереди.

Такая тоска, совестно, жалко смотреть на Иру...

Неужели я покончу с собой, неужели?

Есть! Еды!

24 декабря. Не писал я уже много дней. 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23. Целых 8 дней рука не брала в руку перо.

Со мной произошли перемены. Появилось что-то хорошее, как мне кажется, в моем характере. Поворот этому дала потеря мною Ириной карточки на сахар. О, как я тогда подло поступил с мамой и Ирой. Зазевался в магазине и потерял 200 г. сахара, 100 г. шоколада для Иры и мамы и 150 г. конфет. Я хочу перемениться, хочу выковать из себя иной характер, но я чувствую, что без поддержки мамы и Иры мне не протянуть на моей честной новой жизни. Пусть бы они как-нибудь сглаживали, ну, дальше я не могу просто выразиться. Сегодня я в первый раз за много уже дней принес домой полностью все конфеты, выкупленные в столовой, делюсь с Ирой и мамой хлебом, хотя иной раз еще украдкой стяну крошку. Но сегодня я почувствовал к себе такое теплое обращение от мамы и Иры, когда они взяли и отделили мне от своих конфеток: мама — четверть конфетки (впрочем, потом, опять взяла себе), а Ира — половину конфетки за то, что я ходил за пряниками и конфетами и лепешками из дуранды в столовую, что я чуть было не расплакался. Это люди, те люди, которых я так обманывал раньше и которые знают теперь про мои прошлые обманы! Да, чего только не может сделать хорошее обращение! Но затем... та же мама у меня взяла пряник, пообещав лишнюю конфету (а лишнюю конфетку получила сама), а та же Ира плакала, что мама дала и ей и мне одинаково по конфетке, а я потом еще Ире от своей конфетки дал, так что конфеток-то Ира съела больше. Правда, сегодня мой грех: утаил от мамы и Иры один пряник... Ну... это вот плохо.

Маме что-то обещают в райкоме, что ее эвакуируют 28/ХП... Сейчас мама пошла в райком насчет этого дела, если эвакуация будет отложена на 1 января, мы погибли, т. к. у нас осталось только талонов на два дня, еле-еле на три. Не больше. Мамино здоровье все более ухудшается. Опухоль у нее идет уже к бедру. Я завшивел окончательно... Я и Ира немного опухли на лицо. Сегодня кончили конфеты. Завтра — крупу. Послезавтра — мясо и масло. А затем, затем...

Тихая грусть, гнетущая. Тяжело и больно. Печаль и тяжкая безотрадная скорбь. Может быть, и еще что. Только вспоминаются дни, вечера, проводимые здесь, когда я выхожу из кухни в нашу квартиру. В кухне есть еще какой-то мираж нашей прошлой довоенной жизни. Политическая карта Европы на стене, домашняя утварь, раскрытая порой для чтения книга на столе, ходики на стене, тепло от плиты, когда она топится... Но мне хочется обойти опять всю квартиру. Надеваешь ватник, шапку, запоясываешься, натягиваешь варежки на руки и открываешь дверь в коридор. Здесь мороз. Из рта идут густые клубы пара, холод забирается под воротник, поневоле поеживаешься. Коридор пуст. Один на другом стоят поставленные Анфисой Николаевной четыре стула ее, да у стенки поставлены доски от расколотого на дрова шкафа. У нас было 3 комнаты. Сейчас вправе назвать себя владельцами лишь двух из них. Крайняя к кухне занята И-выми. О них нечего говорить. Весело топится у них в комнате буржуйка, вкусный запах идет из-под их дверей, счастьем, чувством сытости светятся лица жильцов этой квартиры. И рядом... пустая комната, оклеенная коричневыми обоями; окно разбито, гуляет холодный ветер с улицы, голый дубовый стол у стены и голая этажерка в углу. Пыль и паутина по стенам... Что это? Это бывшая столовая, место веселья, место учебы, место отдыха для нас. Здесь когда-то

(это кажется давным-давно) стояли диван, буфет, стулья, на столе стоял недоеденный обед, на этажерке книги, а я лежал на диване и читал «Трех мушкетеров», закусывая их булкой с маслом и сыром или грызя шоколад. В комнате стояла жара, а я, «всегда довольный сам собой, своим обедом и...», последнего у меня не было, но зато были игры, книги, журналы, шахматы, кино... а я переживал, что не пошел в театр или еще что-нибудь, как часто оставлял себя без обеда до вечера, предпочитая волейбол и товарищей... И, наконец, каково вспоминать ленинградский Дворец пионеров, его вечера, читальню, игры, исторический клуб, шахматный клуб, десерт в его столовой, концерты, балы... Это было счастье, которое я даже не подозревал — счастье жить в СССР, в мирное время, счастье иметь заботившуюся о тебе мать, тетю, знать, что будущего у тебя никто не отымет. Это — счастье. И следующая комната — мрачная, унылая полутемная клеть, загруженная всяким добром, что осталось у нас. Стоит комод, разобранные кровати, два письменных стола один на другом, диван, все в пыли, все закрыто, упаковано, лежать тут хоть тысячу лет...

Холод, холод выгоняет нас и из этой комнаты. Но когда-то здесь была плитка, на ней жарился омлет, сосиски, варился суп, за столом сидела мама и долго ночами работала при свете настольной лампы...

Здесь, бывало, вертелся патефон, раздавался веселый смех, ставилась огромная, до потолка елка, зажигались свечи, приезжала Тина, приходил Мишка, на столе лежали груды бутербродов (с чем их только не было!), на елке висели десятки конфет, пряников (никто их не ел), чего только не было! А ныне здесь пусто (кажется, что так), холодно, темно, и незачем мне заглядывать в эту комнату.

Кухня, одна кухня — место, где протекает наша домашняя жизнь. Здесь мы едим (если есть что положить на язык), здесь мы согреваемся (если есть чем топить плиту), здесь мы спим (когда немного меньше покусывают вши), здесь — наш уголок.

Квартира запустела. Жизнь в ней совсем затихла. Она как бы застыла, превратилась в сосульку, а таять ей только по весне...

3 января. Чуть ли не последняя запись в дневнике. Боюсь, что и она-то... и дневник-то этот не придется мне закончить, чтобы на последней странице написать слово «конец». Уже кто-нибудь другой запишет его словами «смерть». А я хочу так страстно жить, верить, чувствовать! Но... эвакуация будет лишь весной, когда пойдут поезда по Северной дороге, а до весны мне не дожить. Я опух, каждая клетка моей ткани содержит воды больше, чем нужно. Распухли все, следовательно, внутренние органы. Мне лень передвинуться, лень встать со стула, пройти. Но это все от избытка воды, недостатка еды. Все жидкое, жидкое, жидкое... И опух. Мама порвала со мной с Ирой. Они оставят меня, у мамы уж такая сейчас стала нервная система, что она готова позабыться, и тогда... Как это уже бывало, как она мне каждый день говорит, тогда она с Ирой как-нибудь выберутся отсюда, но не выбраться мне. Какой из меня работник? Какой из меня ученик? Ну, проработаю я, проучусь неделю, а там и протяну ноги... Неужели это так и будет? Смерть, смерть прямо в глаза. И деться от нее некуда. В больницу идти — я весь обовшивел... что мне делать, о господи? Я ведь умру, умру, а так хочется жить, уехать, жить, жить!.. Но, быть может, хоть останется жить Ира. Ох, как нехорошо на сердце... Мама сейчас такая грубая, бьет порой меня, и ругань от нее я слышу на каждом шагу. Но я не сержусь на нее за это, я — паразит, висящий на ее и Ириной шее. Да, смерть, смерть впереди. И нет никакой надежды, лишь только страх, что заставишь погибнуть с собой и родную мать, и родную сестру.

4 января... А впереди еще целый месяц до улучшения с продовольствием и отъездом. Что с нами будет к концу этого месяца, в каких нищих мы превратимся,

если только нас не вырвет отсюда какой-то наисчастливейший дар фортуны, милость бога, небесное спасение даст нам эвакуацию завтра, послезавтра, до середины 2-й декады... Только какой-то именно, только бог, если такой есть, может дать нам избавление. Пусть он спасет нас теперь, никогда, никогда не придется мне уж обманывать мать, никогда не придется мне порочить свое чистое имя, оно опять станет у меня священным, о, только бы нам была дарована эвакуация, сейчас! А я клянусь всею своей жизнью, что навечно покончу со своей гнусной обманщицкой жизнью, начну честную и трудовую жизнь в какой-нибудь деревне, подарю маме счастливую золотую старость. Только вера в бога, только вера в то, что удача не оставит меня и нас троих завтра, вера на ответ Пашина в райкоме — «ехать» — только это ставит меня на ноги. Если бы не это, я погиб. Но я хочу остаться, вернее, хотел бы, да не могу... Только завтрашний отъезд... Я сумею отплатить хорошим по отношению к Ире и к маме. Господи, только спаси меня, даруй мне эвакуацию, спаси всех нас троих, и маму, и Иру, и меня!..

6 января... Я совсем почти не могу ни ходить, ни работать. Почти полное отсутствие сил. Мама еле тоже ходит — я уж себе даже представить этого не могу, как она ходит. Теперь она часто меня бьет, ругает, кричит, с ней происходят бурные нервные припадки, она не может вынести моего никудышного вида — вида слабого от недостатка сил, голодающего, измученного человека, который еле передвигается с места на место, мешает и «притворяется» больным и бессильным. Но я ведь не симулирую свое бессилие, Нет! Это не притворство, силы (...) из меня уходят, уходят, плывут... А время тянется, тянется, и длинно, долго!.. О господи, что со мной происходит?

И сейчас я, я, я...

Дневник приводится по книге А. Адамовича и Д. Гранина «Блокадная книга», изд. СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ, Москва, 1982.

ПРИЛОЖЕНИЕ_1

НОРМЫ ВЫДАЧИ ПРОДУКТОВ ГРАЖДАНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ
ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД ИЮЛЬ 1941 г. — ФЕВРАЛЬ 1942 г.

Категории 2 500 000 жителей города	Рабочие и ИТР	Служащие	Иждивенцы	Дети до 12 лет
В процентном соотношении	34,4 %	17,5 %	29,5 %	18,6 %
МЯСО (в граммах, в месяц)				
С 1 июля до сентября.	2200	1200	600	600
С сентября до января 1942 г.	1500	800	400	400
КРУПА И МАКАРОНЫ (г/м)				
С июля до сентября	2000	1500	1000	1200
С сентября до февраля 1942 г.	1500	1000	600	1200
ЖИРЫ (в граммах, в месяц)				
С июля до сентября	800	400	200	400
С сентября до ноября	950	500	300	500
С ноября до января 1942 г.	600	250	200	500
САХАР И КОНД. ИЗД. (г/м)				
С июля до сентября	1500	1200	1000	1200
С сентября до ноября	2000	1700	1500	1700
С ноября до января 1942 г.	1500	1000	800	1200
ХЛЕБ (в граммах, в день)				
В июле	800	600	400	400
Со 2 сентября	600	400	300	300
С 12 сентября	500	300	250	300
С 1 октября	400	200	200	200
С 13 ноября	300	150	150	150
С 20 ноября	250	125	125	125
С 25 декабря	350	200	200	200
С 24 января 1942 года	400	300	250	250
С 11 февраля 1942 года	500	400	300	300

ПРИЛОЖЕНИЕ_2

НОРМЫ ВЫДАЧИ ПРОДУКТОВ ВОЕННОСЛУЖАЩИМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА В ПЕРИОД ОКТЯБРЬ — НОЯБРЬ 1941 г.

	Войска Ленинградского фронта получали в граммах в день на человека	Для войск первой линии	Для тыловых частей
С 1 октября 1941 г.	Хлеб	800	600
	Мясо	150	75
	Рыба	80	50
	Крупа	140	70
	Макаронны	30	20
	Комбижир, сало	30	20
	Масло растительное	20	20
	Сахар	35	20
	Овощи и картофель	500	400

Наибольшим изменениям для военнослужащих подверглись нормы выдачи хлеба, мяса и рыбы в граммах в день

До 1 октября	Хлеб	800	700
	Мясо	150	120
	Рыба	100	80
С 8 ноября	Хлеб	600	500
	Мясо	150	120
	Рыба	—	—
С 20 ноября	Хлеб	500	300
	Мясо	125	50
	Рыба	—	—

Таблицы по данным книги Д. В. Павлова «Ленинград в блокаде», изд. «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ», Москва, 1969.